

Ускопка

ГЛАВНЫЙ ПОСТ СТРАНЫ

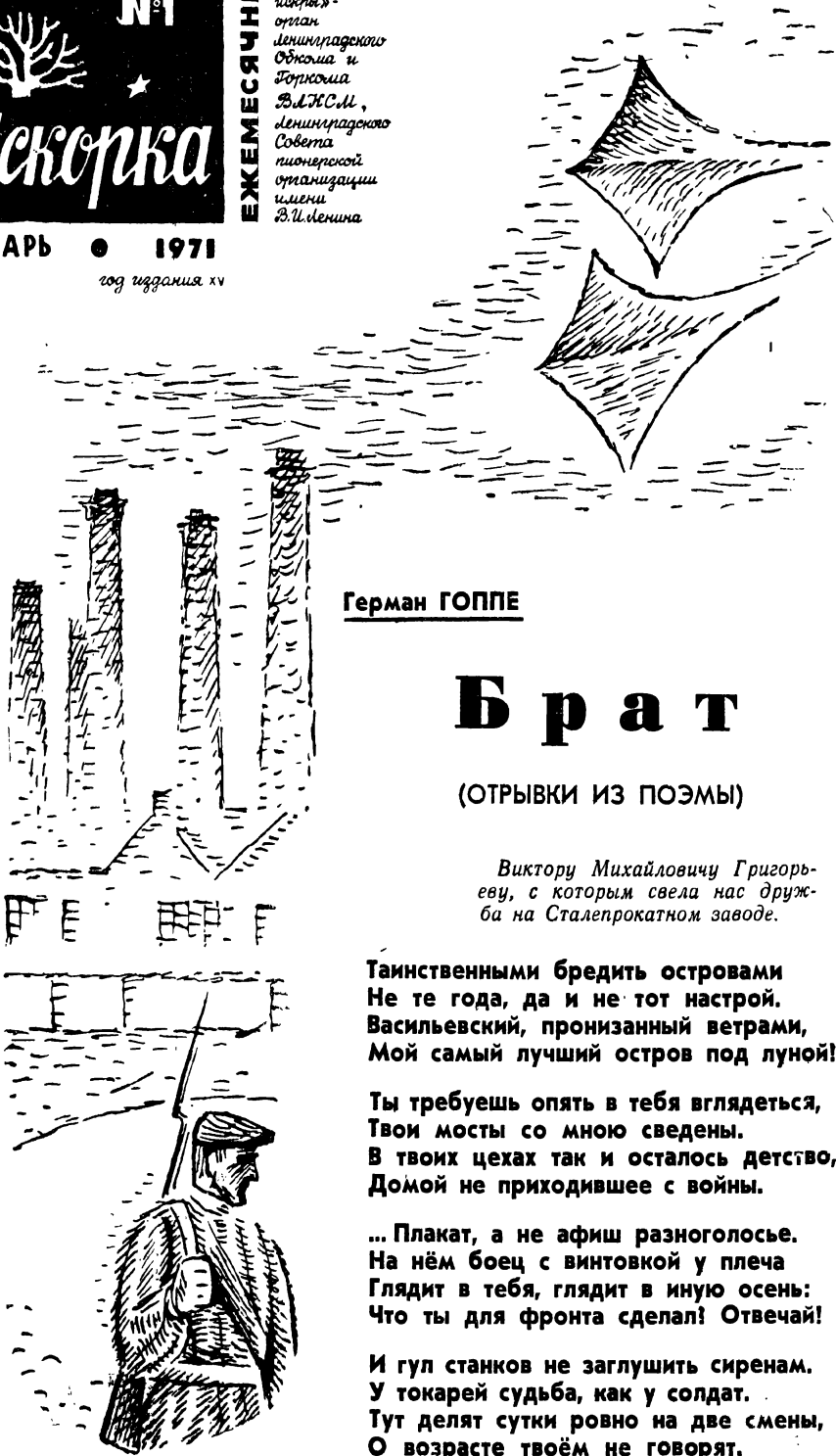
МЕДЛЕННО, СТРОГО ТЕЧЕТ ЛЮДСКАЯ РЕКА ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. ДЕНЬ ЗА ДНЁМ. ЗИМОЮ И ЛЕТОМ. ИЗО ВСЕХ ГОРОДОВ И СЕЛЕНИЙ НАШЕЙ НЕОБЪЯТНОЙ РОДИНЫ, ИЗ ДАЛЁКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПРИЕЗЖАЮТ СЮДА ЛЮДИ, ХРАНЯЩИЕ В СЕРДЦЕ ЛЮБОВЬ К ИЛЬИЧУ. ИДУТ К ЕГО МАВЗОЛЕЮ. ЧЕКАНЯ ШАГ, ПРОХОДЯТ ПО ПЛОЩАДИ ЧАСОВЫЕ. СТАНОВЯТСЯ В КАРАУЛ. ОХРАНЯЮТ ПОКОЙ ВОЖДЯ.

ЯНВАРЬ ● 1971

год издания XV

газеты
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Герман ГОППЕ

Б р а т

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

Виктору Михайловичу Григорьеву, с которым свела нас дружба на Сталепрокатном заводе.

Таинственными бредить островами
Не те года, да и не тот настрой.
Васильевский, пронизанный ветрами,
Мой самый лучший остров под луной!

Ты требуешь опять в тебя взглядеться,
Твои мосты со мною сведены.
В твоих цехах так и осталось детство,
Домой не приходившее с войны.

... Плакат, а не афиш разноголосье.
На нём боец с винтовкой у плеча
Глядит в тебя, глядит в иную осень:
Что ты для фронта сделал? Отвечай!

И гуп станков не заглушить сиренам.
У токарей судьба, как у солдат.
Тут делят сутки ровно на две смены,
О возрасте твоём не говорят.

* *
*

— Димка, Димка! — кричат ребята. —
Что ты возишься! Выходи! —
Только Димка глядит на брата,
Долгим взглядом таким глядит.
— Что, пора идти на работу! —
Брат спокойно возьмёт пиджак.
Улыбнётся:

— Ну-ну, чего ты
На меня уставился так!
Может, снова через неделю
Навещу тебя, забегу.
Ты ж не маленький, в самом деле.
Понимаешь меня!
— Угу.

Димка всё понимает. Димка
Столько б слов сейчас произнёс,
Если б стать ему невидимкой,
Чтобы брат не заметил слёз.
Даже если тебе двенадцать,
Даже если сердце — броня,
Нелегко без брата остаться.
Он один — вся твоя родня.

* *
*

— Чего стоять, бежим-ка,
Подумаешь, обстрел! —
Ребята мчат за Димкой.
У них по горло дел.
И даже тот, кто хлипок,
Пальтишко распахнул.
Смешно бояться гриппа,
Когда снарядный гул.
Ещё пока не голод,
А просто мал паёк,
Бегут ребята в школу
Почти как на урок.
Им всё теперь по силам.
Пусть сердце — словно гром,
Впрягаются в носилки
Ребята вчетвером.
Огнём горят ладони,
Но пальцы — как замок:
Вдруг раненый застонет,
Почувствовав толчок!..
Испытай терпенье,
А шаг держи ровней.
Иначе ты презренье
Заслужишь от друзей.
... В тот день к знакомой школе
Они бежали вновь.
И каждый помнил: к боли
Ладони приготовь.

...Встал взрыв — немой
и ватный.

Потом прорвался звук.
И стало непонятно,
Когда придёт испуг.
Когда смогла внезапность
Ударом сбить тупым!
Сперва был только запах,
Пронзительный, как дым.
Далёкий голос:

— Ногу
Тихонечко держи. —
Земля под Димкой, дрогнув,
Вовсю пошла кружить.

* *
*

— Димка, а к тебе... —
И сердце ёкает.
И само выстукивает: брат.
Затихает, ждёт.

А дверь широкая
Не вмещает сразу всех ребят.
Сто вопросов, сообщений —
тысячи.

Друг на друга:
— Я скажу, постой...

— Вот так гипс — железо! —
Пальцы тычутся.
— Ты же, Димка, с рыцарской
ногой!

— Ну, а были!.. —
Победив молчание:
— Ясно были, — зашумели
враз. —

Он не может. Срочное задание.
Понимаешь, фронтовой заказ.
Что ж тут непонятного.

Обиженным
Глупо быть. Не маменькин
сын.

Фронт не ждёт. А ты лежишь
под крышею,
Да ещё армейский ешь паёк.
Словно письма, листья рвутся
в форточку.

Прицепившись, чтоб не унесло,
Рыжею, совсем кошачьей
мордочкой

Лист кленовый смотрится
в стекло.

От дежурной лампочки
над койками

В полумраке жёлтое кольцо.
Сны, по-фронтовому
беспокойные,

Навещают раненых бойцов.
Слышно, как патруль идёт
по улице.

И не слышно, как вошла сестра.
— Ты чего не спишь!
— Да брат волнуется!
Вот пишу. Послать хочу с утра.

* *
*

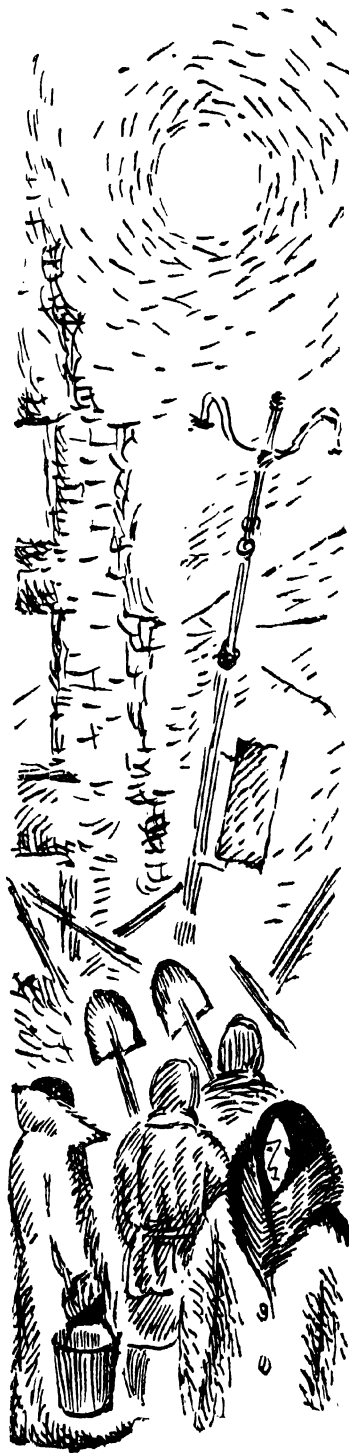
Госпитальное время —
ленивый ручей.
Дни сплелись в бесконечную нить.
По ночам, нарушая запреты
врачей,

Снова учится Димка ходить.
Он пока что совсем неважнецкий
ходок.

Но давно уже сердце в пути.
Если брат свой не может оставить
станок,

Он-то может до брата дойти!
Дни текли... И однажды позвали
его

Сообщили такое — хоть плачь:

— В тыл отправить!—Майором был прежде всего
Для себя и других военврач.
Димка слёзно молил:
— Я ведь с братом, вдвоём... —
А в ответ: — Прекратить разговор. —
Отыскали поменьше шинель. Сухарём
Наградил на прощанье майор.
От прищуренных фар синей тропкою свет.
Хочет вывести из темноты.

Школьный двор,

ты ведь с Димкой дружишь пять лет!

Кто ж поможет ему! Только ты.
Двор помог. Затихает урчанье машин.
И безглазая улица. И ни души.
Удивительно медленно пятится мгла.
Огонька не протянет завод.
Проходная для Димки границей была.
Он сегодня её перейдёт.
Оказался режим на границе не строг.
— В механическом, значит! Найдём. —
И оставил дежурку вахтёр-старичок,
Сунул кружку ему с кипятком.
Димка слушал шаги. И зажмурил на миг
В ожидании встречи глаза.
На пороге другой появился старик.

— Не узнал меня, вижу, — сказал.

От крыльца шёл не холод —
пронзительный страх,

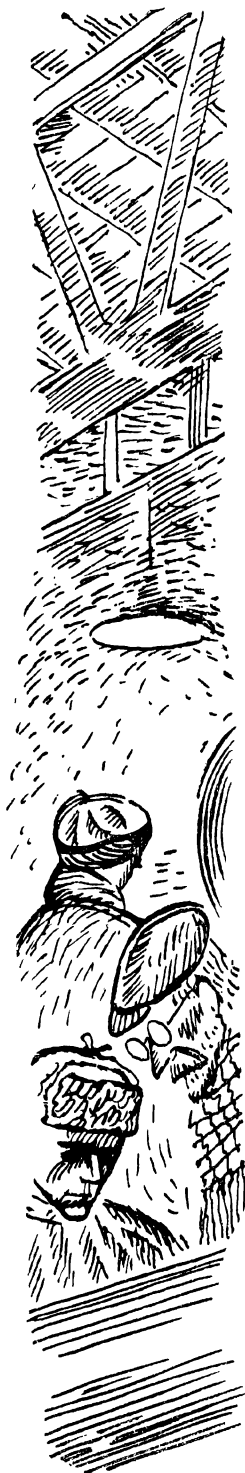
Непонятный ещё до конца.

Что-то было знакомое в острых чертах,
В потемневших морщинах лица.
Только голос был молод: — С братишкой твоим
Я в ремесленном вместе... И здесь.
Да чего мы с тобой на пороге стоим,
Если цех механический есть.
И на сердце металлом упали слова:
— Под один вы попали обстрел.
Знаешь двор, где лежали когда-то дрова?
Там... В убежище он не успел.

* *
*

Давно опустилась у ходиков гиря.
И, кажется, время во всём остановлено мире.
Двор замер. Девались мальчишки куда-то.
Так что же теперь остаётся у младшего брата?
А старший в ремесленной форме на Димку
Из рамки фанерной глядит с предвоенного
снимка:

— Что делать, братишка! Дорога знакома.
В разведку попасть можно без военкома.
Любая дорога теперь до переднего края. —
И Димка крепче на правую ногу ступает.

* *
*

Привыкнуть разве можно скоро
К тебе, блокадная зима!
Шёл прежде снег, баюкал город
И делал добрыми дома.
Теперь ползёт сухой и жёсткий
И, ударяя по ногам,
Ложится серою извёсткой
На потемневшие снега.
«Присядь!» — сугробы Димку
манят.

Встают нарочно перед ним.
Немеют ноги, а в кармане
Сухарь всё больше ощутим.
Минутный сон стремглав
находит.

«Пора!» — толкает ветер в бок.
Что там внизу?

Фигурка вроде...
До самых валенок платок...
«Девчонка», — он подумал сразу.
Вгляделся.

Кажется, пацан...
Такие два большущих глаза,
Что просто мало им лица.
Присел над ним.

Как будто дышит...
— Ты что, живой!
— Живой, — в ответ.
— Чего сидишь!
— За мамой вышел.
— Давно ушла!

— Два дня, как нет.
Платок вздохнул и снова замер:
— Теперь уж больше

не придёт. —
И ни слезинки под глазами.
Поджат по-стариковски рот.
У Димки мысли — вереница.
А всё какие-то не те:

— Ты извини. На фронт
пробиться
Всего удобней в темноте.
— И я с тобой.

— Ну лот, попутчик!..
Фронт не игрушка для тебя.
Эвакуируйся-ка лучше. —
А он, платок свой теребя,
Выводит голосом бесстрастным
И в сторону отводит взгляд:
— Нельзя мне, я уже опасный.
Помру в дороге, говорят. —
Какой у Димки выход!

Лезть ли
За сухарём! И дальше в путь!

— Держи! —

А он стоит на месте:

— Ешь сам, а только здесь
побудь. —

И вдруг рукой белее мела
Закрыв лицо. И сел на снег.
И Димка сел:

— Ну, что мне делать!
Вот навязался человек!

.....
Мороз тропические листья,
Должно быть выбившись из сил,
Не рисовал умелой кистью:
Он просто стекла побелил.
И в них светило проступало,
Напоминавшее луну.
Так что же делать!

Для начала
Разрушить надо тишину.
Рванулась гиря.

И, отважась
На самый трудный, первый шаг,
Часы почувствовали тяжесть,
Сказали твёрдое: «Так-так».
Следил за Димкой большеглазый
Из груди пёстрых одеял.
— Буржуйку сделаем. Не сразу.
Да ты привычный, зимовал.
И посмотрел как можно строже,
Остановившись у дверей:
— Послушай, как тебя там...
— Лёша.

— Вот, Лёшка, помирать
не смей.

— А ты на фронт! —
И тихо стало.

— Не плачь, не ты же виноват.
Мы проживём!

Ты понял, малый!
Я — на завод, где был мой брат.

Рисунки Ю. Шабанова

ПОВЕСТЬ

Глава первая КАШТАНОВ, КАШТАНОВ, ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ!

Маленький Петров давно уже не спал. Он слышал, как мать встала, как, стараясь не шуметь, босиком ходила по комнате, осторожно мылась на кухне, грела чайник, одевалась... Затаив дыхание, он лежал с закрытыми глазами и терпеливо ждал. Ждал и вспоминал вечерний разговор. Мать читала ему письмо из деревни, от бабушки, то и дело останавливаясь и вставляя своё. «Видишь, что пишет, — говорила мать, — картошка не окучена... Руки не доходят... Окучишь, значит, первым делом, как приедешь... Морковь

и свёкла не полоты, тяжело мне, спина худо гнётся... Слышишь? Чисто поли, сорняк не оставляй! Да бабушка тебе объяснит... Воду, слава богу, Кузьмич носит... Какой ещё Кузьмич?.. А, сосед... Смотри не надорвись, по одному ведру носи!.. Через два дня поедешь, собирайся. Слышишь? Чего молчишь?.. Какой поход? Мне эти ваши походы — вот где! Сиди и дрожи тут — не утонул бы, не убится... И думать забудь!..»

Вот какой был вчера вечером разговор.

Закрылась одна дверь, другая, заскрипели по гравию шаги. Ушла мать.

Маленький открыл глаза, потянулся. Не любит он ездить в деревню. Река там далеко. За горой. Потом — бабушка до-

Печатается с сокращениями.

тошная. Душу вынет, а заставит делать по-своему.

Маленький вскочил с постели, взглянул на часы: шесть с полтиной! Он быстро оделся, причём брюки братнины загнул у пояса и затянул потуже ремнём. Форменку пришлось выпустить наружу, а то слишком заметно, что брюки не по росту. Форменка болталась где-то почти у колен. Хотел он её подшить вчера, да весь вечер у матери на глазах. «Хорошо, хоть тельняшка своя», — подумал Маленький.

Он вытащил из-под койки рюкзак, пощупал, всё ли на месте, порылся в ногах под матрасом, достал горн. Огляделся в комнате, и стало ему вдруг зябко и отчаянно. «Уеду и всё!» — сказал он столу. И кушетке: «Уеду!» И стенным часам. И каждому стулу в отдельности. И телевизору, и чайнику с чашками: «Уеду! Уеду! Уеду!..»

Потом вырвал листок из тетради, сел за стол и задумался. Долго грыз карандаш. Написал так: «Мама, не сердись, я ушёл в поход. Вернусь когда, сразу поеду к бабушке. Всё буду делать там...»

И вышел, легко ступая в стоптанных кедах, прихватив по пути горбушку и кусок сахара.

На улице прищурился от солнца, посмотрел по сторонам — никого — и, перекинув рюкзак через плечо, с горном под мышкой, зашагал по дощатому тротуару мимо одинаковых белёных барачков, над которыми на сосновых шестах торчали телевизионные антен-

ны. Справа зеленела картошка, на свалке дымилась куча мусору, и желтоватый кислый дым медленно подымался к чистому небу.

Он шёл, раскачивая упругие доски, и они, распрямляясь, подталкивали его вперёд.

Боцман Олег Каштанов жил на краю квартала в таком же точно бараке на девять окон — три семьи, у каждой три окна. В палисаднике густо лежала огуречная ботва и пахло смородой. Маленький Петров подошёл к палисаднику и засигналил:

— Тра-та-та! Тра-та-та!..
Ка-шта-нов! Ка-шта-нов!..

На третий раз, только на третий, откинулась занавеска, и между цветочными горшками появилась чубатая каштановская голова, а потом и сам Каштанов — в трусах и майке — встал на подоконник. Он протёр глаза, в упор посмотрел на Маленького, оглянулся — на часы, как видно, — и погрозил в окно кулаком.

— Ты что, спятил? — сказал он, приоткрыв форточку. — Мамашу разбудишь, она тебе выплет!

— Каштанов, Каштанов, — пропел Маленький Петров, дирижируя своей трубой, — ты самый главный боцман, возьми меня с собой...

— Заткнись!.. Ну как я тебя возьму, как?

— Ты всё можешь, Каштанов, — сказал Маленький Петров. — Вместо Кольки возьми, вместо Большого... (Каштанов потрогал кончик носа, помял уши. Он как бы думал.) Колька сказал, сходи к Каш-

танову, он возьмёт. Колька свою форменку мне отдал, беску... Колька сказал...

— Я-то что... — сказал Каштанов, который был другом Кольки Петрова — брата Маленького и не хотел портить с ним отношения. — Я-то что, как остальные...

— Я с ними поговорю, с боцманами, — заторопился Маленький Петров, — они согласятся, вот увидишь!..

Теперь Ленц.

Через пятнадцать минут Маленький был на Баррикадной улице. Поднялся на пятый этаж. Позвонил. Открыл ему сам Ленц, в полной форме. Всё пригнано, любо поглядеть. Волосы на пробор заглажены, блестят. Строгий человек Ленц, не улыбнётся. Держится за ручку двери и глядит на Маленького. Спокойно глядит, не удивляясь раннему гостю.

В первый момент Маленький даже растерялся, но потом сказал:

— Здорóво. Каштанов к тебе послал. Он берёт меня вместо Кольки. Ты согласен?

Ленц кивнул. Дескать, почему бы нет? И молча прикрыл дверь. Вот человек! Сло́ва не произнёс, а всё, как надо.

Теперь Стёпа.

Стёпа живёт на другом берегу, на фабричной стороне, в красном кирпичном доме. У Стёпы балкон. Голуби расхаживают. Балконная дверь открыта.

— Стё-па! Стё-па! — пропела труба.

За спиной у Маленького с треском распахнулось окно. Кто-то обругал его по всем

правилам. Маленький даже не обернулся.

— Стё-па!..

Ещё окно заскрипело — хоть уши затыкай. На балкон вышел Стёпа. Потянулся, зябко повёл острым плечом. «Во тощий, — подумал Маленький, — ни одной мускуляшки не видать...»

— Стёпа, — сказал Маленький, — Ленц с Каштановым берут меня вместо Кольки...

— Ну и что? — сказал Стёпа, облокотясь на перила.

— Они велели тебе сказать, чтоб ты тоже...

— Велели?! А мне-то что... — Стёпа зевнул.

Маленький понял: сам всё испортил. Как у него это слово выскочило — «велели»! Теперь Стёпа начнёт... И Маленький со слезой в голосе завёл:

— Тебе что — жалко, да?..

— Орёл или решка? — Стёпа достал из кармана монету.

— Орёл, — скучно сказал Маленький.

Стёпа ловко поймал монету. Развёл руками:

— Решка.

— Колька сказал: иди к Стёпе, он возьмёт...

— Ты бы сразу и пришёл. А то: Каштанов велел! А мне, может, наплевать!

— Стёпа...

— Пришёл бы ко мне, так мол, и так...

— Да по пути было к Каштанову-то...

— «По пути»!..

Стёпа сплюнул, поглядел вокруг, ещё сплюнул. «Нарочно тянет, себя показывает, —

подумал Маленький, — а сам Кольку-то боится...»

— Ладно, приходи на построение, — сказал Стёпа и ушёл в комнату.

Дело сделано. Теперь остался капитан. Но тут Маленький Петров ничего предпринять не мог. Оставалось ждать общего сбора. Так он и сделал. Пришёл к Дворцу пионеров, сел на траву, привалился к стене и, прикрыв глаза, стал жевать горбушку. Сахар он оставил напоследок.

Глава вторая

ЧЕГО БЫ ИМ СЫГРАТЬ?

— Ленц!

— Есть!

— Каштанов!

— Есть!

— Петров!

— Есть!

— Какой же ты Петров?

Ты — Маленький Петров, а Большой где?

— В Сланцевое уехал.

— Это ещё зачем?

— В техникум поступать, в химический...

— Боцман Каштанов! — рявкнул капитан, да так, что Маленький чуть язык не прикусил. — Человек уезжает в другой город, а я узнаю последним. Думаете, мне всё одно — что Большой, что Маленький?

Боцман Каштанов вышел из строя и зажёл свои синие глаза. Боцман улыбался. На ушах у него были веснушки. Боцман почесал крутой, пылающий на солнце затылок.

— Затылок чешет, разгильдяй! — вскипел капитан.

А Маленький Петров постригся вчера наголо, хотел понравиться капитану. Видно, зря. Боцман Каштанов, тот хоть бы что — руки по швам, объясняет:

— Товарищ капитан, Большой Петров телеграмму получил, вызов на экзамены. С последним поездом уехал. Мы и решили...

— Кто это «мы»? — вежливо спросил капитан.

— Ну, боцманá решили, — сказал Каштанов, — совет...

— Когда это вы посоветоваться успели, а? Может, ночь не спали? А меня почему не разбудили? Я бы — штаны натянул — и тоже на совет...

На левом фланге хихикнули. Боцман Каштанов смотрел капитану в живот и молчал.

— А почему у тебя, Маленький Петров, бескозырка на носу? И форменка не по росту. И брюки по земле волочатся.

— Это не его форменка, это Большого! — крикнул Чубчик из второй шеренги.

Капитан метнул в его сторону тяжёлый взгляд.

— Брата форменка, — подтвердил Маленький, — и беска тоже.

— Что такое беска?! — вскричал капитан, и на лице его, круглом, розовом, без намёка на морщинку, изобразилось жестокое презрение. Голос капитана звучал раскатиисто, свободно, будто пробовал он его в чистом утреннем воздухе и всякий раз чуть прибавлял силы. Полновесный голос. Дай бог каждому.

— Что такое беска, я спрашиваю?!..

Боцман Каштанов поднял голову:

— Мы, товарищ капитан, просим за Маленького. Взять бы его, вместо Большого...

— Опять «мы»! — охнул капитан, ударив кулаком левой руки о ладонь правой.

— Ну, боцманá, я ж говорю, боцманá просят, — сказал

Каштанов и показал капитану полный набор зубов.

— Пускай каждый боцман сам скажет, у каждого боцмана есть свой язык. Или не так, Каштанов?

Маленький Петров и не смотрел кругом, а всё видел. Такой уж у него глаз. Два шага вперёд. Это Ленц вышел. Два шага вперёд. Стёпа... А вокруг простирался тихий утренний двор, укрытый росистой травой. За спиной Маленького Петрова — длинное, крашенное голубой краской одноэтажное здание, с низкими, настезь распахнутыми окнами, сквозь которые внутрь дома заглядывают крапива, ромашки. На фасаде доска: «Городской дворец пионеров». Настоящий-то дворец ещё строится, в старой ратуше, а доску уже заказали. Чтоб зря не лежала, не пылилась, её и прибили.

Между прочим, в старые времена здесь была конюшня какого-то барона. А теперь, временно, — разные кружки и морской клуб в том числе.

Тихо. В окнах стоит темнота, обещая прохладу, если день опять будет жарким.

Маленький Петров тронул ногой рюкзак. На месте. А то ещё уведут для смеху.

Чубчик зашептал сзади:

— Выгонит тебя капиташа...

А солнце так приятно щеко-тало стриженую голову, и воробьи так весело чирикали на каменных плитах у входа во Дворец, и шлюпка-шестёрка в «сухом доке» выглядела так величественно, возвышаясь

над землёй на уровне его плеча, и борта шлюпки поблёскивали такой свежей краской, и, наконец, такой добрый ветерок тянул из-за забора, что Маленькому Петрову казалось: если вокруг так хорошо, не может быть ему плохо, не может!

...Два шага вперёд. Это Ленц.

— Я — за.

Два шага вперёд. Это Стёпа.

— Я тоже.

— Ах, разгильдяи! — восхищённо простонал капитан. — Ах, разгильдяи, спелась!

Капитан, как всегда, брал догадкой, опираясь на богатый жизненный опыт.

— Разрешение есть от матери?

— Разрешение?..

— Ну, что позволяет в поход идти. В письменном виде.

— В письменном? А я не знал... Она в устном разрешила...

Маленький в упор смотрел на Каштанова. Тот морщился, пожимал плечами. Маленький подмигнул ему отчаянно.

— Иди принеси разрешение, — сказал капитан.

— Матери дома нет, она на фабрике, — жалобно начал Маленький Петров, чувствуя: ещё миг, и всё рухнет.

— Она на фабрике, товарищ капитан! — подхватил Каштанов. — Точно! Да вы не беспокойтесь, полный порядок будет, матуха у него законная...

— Кто, кто? — капитан сердито покосился на Каштанова,

фыркнул, поглядел на часы, потом на Маленького.

— А что ты, умеешь, Маленький Петров? — И повторил, как бы чуточку издеваясь: — Ну, что ты умеешь, Маленький Петров?

— Он на трубе играет, товарищ капитан, — сказал Каштанов, — на горне то есть...

— Ну-ка, — сказал капитан.

Маленький не спеша развязал рюкзак, достал горн, обтёр рукой мундштук. «Чего бы им сыграть?» — подумал он, видя, как строй смешался и все глядят на него и рты открывали.

«В плаванье, в далёком плаванье...» — протрубил Маленький Петров и замолчал.

— Ого! — сказал Чубчик и кивнул на трубу. — Та самая?

Маленький не ответил, но подумал с досадой: «Догадался».

— Ещё, — потребовал капитан.

«Дураки вы, дураки, обмануть вас пустяки...» — дерзко прохрипел горн.

— Хамишь, — сказал капитан. — Берите его в свой экипаж, Ленц. (Капитан с боцманами всегда на «вы». Такой порядок.) А ты, Маленький Петров, не воображай, играть ты не умеешь. А потом, учти, — с тайной печалью добавил капитан, — я беру тебя в поход только из уважения к старшему брату. Твой брат — достойный товарищ, так что...

Глава третья ИЗ ПРОШЛОГО. О ТРУБЕ

Первый раз Маленький Петров увидел эту трубу в пионерской комнате, когда его принимали в октябрята. Маленький Петров стоял рядом с такими, как и он, третьеклассниками и, боясь опоздать, забыть, ошибиться, повторял вслед за вожатой Клавой строгие слова. Но Маленький Петров и тогда уж был востроглаз и улучил минуту, чтоб оглядеться кругом. Он увидел знамя в красной деревянной бочке. Вокруг знамени — флажки.

В дальнем сумрачном углу, на столике, покрытом зелёной скатертью, он увидел барабан в красно-синюю полоску и тускло-жёлтую трубу раструбом вниз.

Несколько раз Маленький Петров оборачивался на трубу и всё ждал, что придёт кто-нибудь и задудит в неё, но так и не дождался.

Второй раз Маленький увидел горн, когда на большой перемене Чубчик — а тот был на два класса старше — предложил ему сыграть в шашки. Они прибежали в пионерскую, думая, что будут первыми. А там!.. Шашки расхватаны, шахматы — тоже, про домино и говорить нечего. Игроки заняли стол, подоконники, стулья. Над ними — с озабоченным лицом Клава.

Маленький Петров сразу определил, что горн и барабан на месте, и двинулся прямо к ним.

— Стой, мальчик, ты куда!

Он понял, что это ему, остановился, сделал вид, что глядит на игроков, а сам исподлобья следил за Клавой. Вот вбежали девчонки, кинулись к ней, затараторили непонятное. Клава покраснела, заохала, и Маленький Петров скользнул мимо игроков в дальний угол комнаты. Маленький осторожно провёл пальцем по горну сверху вниз. Вслед за его пальцем стекала золотистая полоска, которая на ходу оживала, отражая все блики и тени, что были в комнате. Ожидание, предчувствие уже томили Маленького.

— Слабó погудеть? — закричал рядом Чубчик и схватил горн.

— Я... я не умею, — сказал Маленький, растерявшись.

— Ерунда! — Чубчик поднёс трубу к губам.

Чубчик побагровел и дрожал от напряжения, и, наконец, в следующий момент у него получилось бы что-нибудь, если бы не Клава.

— Вы что, с ума сошли? — закричала она. — Немедленно поставьте на место!

Целую неделю после этого Маленький обдумывал, как бы ему погудеть в трубу. «А, была не была, — решил он наконец, — пойду и погужу, не поймает...» Но Чубчика на всякий случай позвал с собой. Пусть посторожит.

Они направились в пионерскую, но на пороге были остановлены человеком с красной повязкой на рукаве. Это был дежурный член совета дружины.

— Куда! — сказал дежур-

ный и взял Маленького за шиворот.

Маленькому это не понравилось. Он вырвался и, убегая, показал дежурному язык. Как Маленький и предполагал, дежурный за ним не погнался, потому что был на важном посту.

Долго Маленький не мог забыть, как они с Чубчиком ходили в пионерскую. Маленький ждал, когда его примут в пионеры и он снова попадёт в ту комнату, а его всё не принимали и не принимали.

...Тем временем Маленький Петров перешёл в четвёртый класс. Каждую среду, вечером, он появлялся в школьной столярке и пилил, стругал. Он любил запах свежего дерева, визг пилы, стук молотка, любил, как голоса звучат в столярке — гулко, весело.

Как-то Маленький вышел из столярки на перерыв и пошёл бродить по школе. Когда подымался по лестнице, подумал: «В школе — и тихо...» А когда поднялся на следующий этаж, увидел, что в коридоре темно, но не совсем, а чуть голубовато от уличных фонарей, и загадал себе пройти по коридору до угла и дальше, за поворот, ещё столько же — неужели не пройти?

И когда уже пошёл мимо блистающих чёрных окон, косая глаз на свою тень, сообразил, что пионерская-то на этом самом этаже!..

Он так обрадовался, что побежал, но тут же остановился. «Эх, дурак, поздно ведь, закрыто уже...»

Подойдя, он взялся за ручку и почувствовал, что дверь не заперта. Маленький потянул её на себя и проскользнул внутрь.

В углу поблёскивало. Маленький — на цыпочках, руки вперёд — пошёл туда. Рука его сжала прохладный металл. В боку заколотилось. Он уже собрался было погудеть, но испугался тишины. Тогда он сунул трубу под халат и быстро пошёл прочь. Он дошёл до угла коридора и побежал. И чем быстрее бежал, тем веселее ему становилось. Тра-та-та-та! — загремел он по лестнице коваными каблуками. Тра-та-та-та! — по каменному полу раздевалки. Халат — на крючок. Трубу — под пальто. «Что так рано сегодня?» — спросила нянечка. «Уроков много!» Дверью — хлоп! — и улица...

Вдохнул сырого октябрьского ветра. Вот это повезло. Никогда так не везло.

Побежал.

Он бежал, потому что боялся, что его догонят, остановят, отнимут трубу, но если бы сейчас кто-нибудь сказал: «Ты вор. Ты украл», — Маленький обиделся бы.

Этим ветреным осенним вечером он напоминал охотника, который долго, невероятно долго выслеживал, подстерегал добычу, настолько долго, что другие давно отступились от охоты, а он всё терпел, терпел и наконец вознаграждён за терпение — добыча у него в руках.

И вот он стремглав бежит

через лес, прижимая её к груди, боясь, как бы другие, менее терпеливые и упорные охотники — или кто там ещё — у него эту добычу не отняли.

Маленький спрятал горн в деревянном сарае под старой мешковиной, чтобы завтра препятать в более надёжное место. Серым промозглым утром, задолго до школы, он препятал трубу.

ориентиром. А фашисты использовали крепость как естественное укрепление. На этих берегах была жестокая битва.

И всё-таки крепость ещё похожа на крепость. Только вот башня сильно пострадала, и остался от неё высокий обломок круглой стены. Когда приближаешься к Усть-Верее с востока, уже километрах в пятнадцати вырастает на горизонте подобие гигантского сло-

В УСТЬ-ВЕРЕЕ, где жил Маленький Петров, были свои достопримечательности. И главная среди них — крепость.

Крепость построили шведы на западном берегу реки Верей, в одиннадцатом веке. Стены крепости были когда-то высокие и крепки, а над крепостью царил грозная башня.

Века прошли, поколения, войны, а крепость так и стоит на берегу. Правда, во время последней войны ей крепко досталось. Когда наши войска освобождали Усть-Вереею, дозорная башня служила им

манного зуба. Это и есть башня.

Ноги Маленького Петрова знают на развалинах каждую впадину и выступ. Именно здесь, почти на вершине Сломанного Зуба, в расщелине между камнями, он и спрятал пионерский горн.

Это место высоко над землёй. Отсюда Маленький много чего видел. С одной стороны — дорога. С другой — тоже дорога. На ней смешные игрушечные машины. С третьей стороны — Вереея, бегущая к морю, а с четвёртой — само это море, неразличимое в си-

зой дымке. Угадывалось оно по ровному, как ниточка, горизонту.

Когда в один прекрасный день Маленький Петров достал трубу из своего тайника и поднёс её к губам, он не был уверен, что труба загудит. А она загудела, сначала робко, чуть слышно, а потом — ого! — он и не ждал, что так здорово получится. «Эй, машины вы машины, — протрубил он в сторону дороги, — ма-зы, га-зы, моск-ви-чи, са-мо-сва-лы и по-бе-ды, что так мед-лен-но пол-зё-те, то-ро-пи-тесь, то-ро-пи-тесь...»

Это было просто и весело — трубить всё, что в голову придёт. «Ду-ду-ду, ду-ду-ду, сидел во-рон на ду-бу...» Что думать — то и трубить.

«Ве-ло, ве-ло-си-пе-дис-ты, ос-та-нов-ка за мос-том!» Велосипедисты миновали мост и, преодолев взгорок, спешились у первого же городского дома. Маленький засмеялся.

«Эй, И-ка-рус ты И-ка-рус, ни-ку-да ты не по-е-дешь, я те-бя ос-та-нов-лю!»

Похожий на огромную гусеницу, серый от пыли «Икарус» развернулся на пяточке около крепости и затих.

Глава четвёртая

ЕЩЁ ИЗ ПРОШЛОГО. МАЛЕНЬКИЙ И БОЛЬШОЙ

Сказано приглядывать за младшим, — значит, всё. Большой Петров смотрел на часы, нахлобучивал на Маленького шапку и уводил его за собой. Шли они сначала по

дощатым тротуарам, потом по будыжникам Заречной, затем по асфальту улицы Ленина и наконец по звонким плитам Ратушной. Этот путь Маленький вскоре хорошо изучил — сам поворачивал, куда надо.

К Маленькому в клубе быстро привыкли, и когда, случалось, Большой Петров приходил на занятия один, его у порога спрашивали:

— А Маленький где? Ты что без Маленького?

Обычно брат сажал Маленького у самой двери, на стул, совал ему конфету или яблоко и принимался за свои дела.

Порой, в середине вечера, когда за окном душной клубной комнаты опускались густые сумерки и на стекле расплывался влажный круг уличного фонаря, кто-нибудь говорил шёпотом:

— Ребята, глядите, Маленький-то — под шапкой спит!..

С Маленького тихонько снимали шапку, и его белая голова с копной свалевшихся волос беспомощно падала набок, а на лбу блестели бусины пота.

— Маленький, просыпайся! Домой пойдём! Во́ здоров спать!

Маленький из сна выходил, как из воды выныривают: отфыркивался, шумно дышал, тёр глаза...

— Привет! Выспался?..

Шло время. Маленький подрастал. И клубная комната, затянутая раньше туманной дымкой сна, постепенно представляла перед ним во всём своём ослепительном богат-

стве. Под потолком покачивались прекрасные парусные корабли, вокруг висели таинственные голубые карты и яркие картины морских сражений, широкий стол был завален блестящими приборами, а на стене — за спиной капитана — самый красивый из них, в футляре из тёмного дерева — барометр. Когда по его стеклу легонько постукивают пальцем, стрелка дрожит, указывает погоду.

В углу — тяжёлые бухты каната, чёрные разлапые якоря, разноцветные флажки, спасательные пояса.

Капитан для Маленького очень долго был человеком-голосом, голосом, который не умещался в комнате, грохотал в ней, будто гром в самоварной трубе, выхода себе искал и, найдя, гулял по всему Дворцу пионеров.

Страшноватый голос. Привыкнуть надо. Иногда из класса фортепьяно приходили, просили: потише, пожалуйста...

Однажды капитан посмотрел на Маленького в упор и сказал тихим — вполсилы обычного — басом:

— Радуйся, Маленький Петров, в клуб ходишь!

Все засмеялись и приветливо стали поглядывать то на Маленького, то на капитана. И то, что капитан приноровил свой голос к нему, — удивило Маленького. Он понял: от него ждут чего-то. И тоже засмеялся.

...Давно миновало время, когда маленький Петров покинул

стул около двери и впервые двинулся в плаванье по комнате. Очень скоро обнаружилось, что человек он вовсе не лишний, а напротив — очень нужный, и просто даже необходимый. Всем и каждому.

— Маленький, дай клещи!

— Маленький, дай молоток!

— Маленький, я гвоздь уронил, поищи!..

Вокруг мастерили модели кораблей, вязали мудрёные узлы, шуршали картами, чертили, вычисляли, взмахивали флажками, а он зорко следил — не понадобится ли кому-нибудь помощь. И пулей бросался исполнять любую просьбу. Подносил, подавал, искал, держал, тянул, привязывал...

А потом в воздухе радостно запахло талым снегом, и Маленький долго смотрел, как ребята, облепив муравьиной толпой шлюпку, тащат её к воде, и слышал: льдинки зашуршали о борта, когда налегли на вёсла... И он махал, махал рукой, пока плечо не заболело, а Большой Петров — в свитере, вязаной шапочке, резиновых сапогах — поднял свое весло и по морскому обычаю попрощался с братом.

...Когда вечером все уходят из клуба, капитан долго гремит связкой ключей, запирает кают-компанию, а все ждут его, чтобы пройти вместе по тёмным улицам. Идут они большой и шумной стайей. Впереди — капитан и Большой Петров. Они идут рядом — капитан обычно слева, — или разговаривают тихо, или молчат, а вокруг кипит толпа.

мальчишек, как молодь вокруг матёрых рыб.

Изредка из толпы вывернется, какой-нибудь Маленький Петров, подбежит, прислушивается к разговору, коснётся рукой, получит дружеский подзатыльник и отскочит с громким смехом в сторону, как будто только об этом и мечтал.

Казалось бы, что лучше: Большой Маленького бережёт, Маленький от Большого ни на шаг... Но вот тут-то и загвоздка. Рядом с Большим Маленький Петров всегда оставался для других только «малень-

ким» — не всерьёз, от горшка два вершка — человечком. Вдобавок и ростом он не вышел.

Его, между прочим, и по имени никто не звал. Есть Большой Петров, того зовут Николай. У Большого брат есть, ну, этот, как его.., Маленький.

А его звали Лёнкой.

...И снова приходит лето, и снова Маленький Петров стоит на берегу и машет, машет рукой, пока плечо не заболит. Тогда принимается другой махать.

(Продолжение следует).

Из иностранного юмора

В гостях Вилли попробовал всяких угощений. Но хозяйка предлагает ему съесть ещё что-нибудь.

— Нет, спасибо, — говорит Вилли, — у меня уже полный желудок.

— Ну тогда, — улыбается хозяйка, — положи в карман пару яблок, ты их съешь по дороге домой.

— Нет, спасибо, карман у меня тоже полон.

♦ ♦ ♦
Алина побывала в зоопарке и рассказывает своей подружке:

— Ты знаешь, я видела аиста. Он держится на одной ноге.

— Почему на одной?

— А как же?! Ведь если он поднимет и эту ногу, он же упадёт.

♦ ♦ ♦
Зубной врач говорит Фрицу:

— Мальчик, ты бы не мог так же широко открыть рот, как ты раскрыл глаза?

♦ ♦ ♦
Мальчик приходит к врачу.

— Ну-с, молодой человек, что с вами?

— Дело вот в чём, доктор... Вы ведь знаете, как себя чувствуешь, когда не знаешь, как себя чувствуешь. Ну так со мной как раз это самое...

С английского и французского перевела

П. АННЕНКОВА

П. ВАСИЛЬЕВ

ОДИН

Рисунки В. Адаева

Вот это морозец! На минуту выскочил на улицу — обожгло как огнём!

Весь посёлок сизый, дома, деревья, заборы — всё обросло мшистым инеем. От крыш и до неба тянутся марлевые ленты дымов. Соседка несёт от колонки воду — над ведром клубится пар. Вода выплёскивается из ведра, но не рассыпается, а шлёпается на дорогу блинами.

— Миша! — зовёт меня мама.

Я пулей влетаю в комнату.

— Давай ещё раз примерим, — говорит она.

— Ну сколько можно!

— Не ворчи, не ворчи. В последний раз.

Я нехотя снимаю старый пиджак, надеваю новый. Мне его купили только вчера. Купили на вырост. Пиджак широк и длинен. Мама укорачивает его.

— Повернись!

Я поворачиваюсь и в зеркале вижу себя. Да, пиджачок явно широкват. Плечищи — во! Но я в нём вовсе не выгляжу богатырём, потому что у богатырей не бывают такие тонкие жирафыи шеи. Голова у меня как полуоципанная ромашка, лицо красное с мороза, а над головой венчик светлых вьсклокоченных волос. Их причёсывай не причёсывай — они всегда так вот торчат в разные стороны.

— Ну, теперь хорошо! — говорит мама, поворачивая меня. — Снимай, сейчас отпарю, и всё в порядке.

Я быстро сбрасываю с себя пиджак.

— Осторожно, — гозорит мама. — Не помни рубашку. И не испачкай. Боже мой, я целое утро гладила, а он!

Но я уже не слушаю ее. На ходу натягиваю пальто. Мне некогда, спешу. Сегодня такой день, что все спешат, озабочены, мчатся куда-то. Канун Нового года!

На душе тревожно и весело. Как будто опаздываешь в театр. Уже вымыл шею, оделся, и всё не можешь уйти, что-то задерживает тебя. А там. впереди, должно быть что-то интересное, новое! И оно ждёт тебя: скорей! Скорей!

Я беру верёвку, ручную пилу и выскакиваю на улицу. До прихода электрички осталось десять минут. Выбегаю на дорогу и вижу, как от своего дома бежит Толик-Воробей.

— Скорей! — кричу я и машу ему рукой. — Скорей!

Мы бежим по платформе, я впереди, за мной Толик. Он в больших отцовских валенках, в шапке, сползающей на глаза. Уши шапки не завязаны и дружно машут.

— Скорей, скорей! — кричу я. — Ха-ха! — И на бегу взбрыкиваю ногами.

Вот и электричка. Она почти бесшумно подходит и останавливается. Распахиваются двери, и из вагонов вместе с паром вываливается толпа. Ждём, когда выйдут все. Вскакиваем в тамбур и через окна захлопнувшихся дверей смотрим на вышедших. Это всё наши, поселковые. Приехали из города, с работы. Передние уже спустились с платформы и бегут по дороге к посёлку. Это молодёжь, мальчишки. Одиночки. За ними идут группками люди среднего и старшего возраста. Разговаривают солидно, останавливаются, прикуривают.

Я вижу папу. В руках у него авоська, в ней апельсины и что-то в кулёчках. Папа опять накупил всего. Скоро в чулане некуда будет ставить, каждый день что-нибудь приносит.

— Ну как, запыхался? — спрашиваю я.

— Не, — отвечает Воробей, по-

правляя шапку. Она съехала ему на самый нос. Лицо у Воробышка маленькое и рябенькое. Оно совсем утонуло в заячьем меху. Носик брусничинкой. Глаза голубые, весенние. Он смотрит на меня снизу вверх и быстро-быстро моргает светленькими ресничками.

Воробышек младше меня на два года, ходит в четвёртый класс. Голос у него чирикающий.

— Ну да, не-е! — передразниваю я Воробышка. — А топор взял?

— Взял, — отвечает он и показывает мне торчащее из мешковины топориче.

— Тебе и не поднять-то его.

— Подниму.

Мы отправились за ёлками. Посёлок наш среди лесов. Леса известные, дремучие. Вот и сейчас за окном непроглядная хвойная стена, и лишь изредка в провалах мелькнёт кусок неба, просветлеет, и вдруг откроется полянка, будто забором обнесённая — закрытая сосняком.

Мы с Воробышком едем до платформы «семьдесят восьмой километр». Это следующая остановка. Там ещё осенью наметили трассу будущей высоковольтной линии электропередачи, и вдоль трассы разрешают рубить лес.

— У вас гостей много будет? — спрашиваю я Воробышка.

— Много.

— А мы уезжаем в город. Отец встретил своего товарища, вместе воевали.

— Приходи к нам, а они пусть едут.

— Нет, что ты! Нельзя!

Мне и самому очень бы хотелось пойти к Воробышку. Здесь я всех знаю, и Воробышек мой друг. Но надо ехать. Папа очень рад этой встрече. Никогда ещё я не видел его таким весёлым.

— Это такое торжество! — говорит он. — В мирной обстановке! В Новый год за дружеским столом! Мы об этом всю войну мечтали. В окопах, в грязи. Это, конечно, пережить надо; может, тогда поймёшь!

Мне срочно купили новый костюм, белую с крепким воротничком рубашку. Надо ехать!

За окном становится сумрачно. Темнота сгущается быстро. Сначала посинел снег. Чуть-чуть пожелело и затухло небо. Лес ближе и теснее подступил к дороге, реже стали просветы.

— Темно, — говорю я Воробышку. — И ёлку не найдёшь. Ты не боишься?

— Нет.

— А у самого колени дрожат! Ха-ха! Сейчас выйдем — сразу кричать начнешь: «Миша! Миша!»

— А вот и не буду!

— Будешь!

— Спорим, не буду!

— Спорим! На что спорим? Преспоришь! Только чур сзади не ходить.

Электричка остановилась всего на несколько секунд и ушла, пошуршав ветром. Мы одни. Вокруг пустынно. Фонарь без лампочки. На нём папаха снега. Перила по самые поручни увязли в снегу. Мы выходим на тропку. Она ведёт к деревне Берёзовке, что в семи километрах отсюда.

— Пошли, трусишка! — излишне громко говорю я. — Давай кричи!

Воробышек молчит. Идёт позади меня, шмыгает носом. Мне и самому жутко. Снег хрустит под нога-

ми, как пергаментная бумага. И чем дальше мы идём, становится всё темнее и темнее. Ели всё выше. Под ними черно, вокруг стволов ямы воронками.

— А вдруг волки? — спрашиваю я. — Тогда что?

— Я их топором.

— А я их пилой буду пилить, — храбрюсь я. — Да в нашем лесу волков нет.

Мы выходим на полянку. Ельник здесь мелкий, редкий и пушистый.

— Ну, я пришёл, — говорю я и сворачиваю с тропинки, — хочешь, иди за мной.

— Не, — отвечает Воробышек и, не оглядываясь, идёт дальше.

Увязая в снегу, я брожу от одной ёлки к другой, наконец выбираю, разгребаю под ней снег и начинаю пилить. Прислушиваюсь. Где-то далеко-далеко в стороне постукивает топором Воробышек.

— То-лик! — кричу я. — То-ля!

Но Воробей не откликается. Упрямый! Спилев ёлку, я обвязываю её верёвкой и долго топчусь по снегу, прежде чем нахожу тропинку. Совсем темно стало.

— Толик! — кричу я снова. — Воробей!

«Эге-гей!» — отзывается лес. Что-то пощёлкивает, похрустывает в ветвях.

— Воробей! — снова и снова кричу я. Но Толик не отвечает. И тогда я догадываюсь, что он ушёл. Поднимаю ёлку и бегу к железной дороге. Ещё издали слышу, что идёт электричка. Вот она где-то совсем рядом. Кажется, остановилась. И снова пошла. Звук начинает затихать. Выбегаю к платформе. Пусто!

— Уехал! — чуть не рыдаю я. — Уехал! Трус! Трус! Ты у меня ещё узнаешь! Еще придёшь ко мне, погоди!..

Я осматриваюсь. Никого. Прислоняюсь к тёмному столбу. Холодно. Зябкие мурашки бегут по спине. Мёрзнут ноги, но ходить страшно. Я стою и всё посматриваю по сторонам. Лес тих. Изредка

стрельнёт, стрельнёт, да будто проскрипит что-то.

«Никого здесь нет, ерунда всё, — успокаиваю я себя. — Ничего, не пропаду. А он у меня ещё узнает! Пожалее ещё!»

Я стою, наверное, очень долго. И шапка, и воротник пальто покрылись инеем.

Наконец приходит электричка... Дома меня ждут.

— Ну вот, явился! Ты где шляешься? — сердито говорит папа. — Уже девятый час. Знаешь, что уезжаем, и где-то ходишь! Давай быстрее мойся, переодевайся. Пора уходить. Живей!

Он бреется. Одна щека у него чистая, другая в мыле, и он рассматривает её в зеркало.

Я моюсь, надеваю новую белую рубашку и новый костюм. Папа осматривает меня придирчиво.

— Намочи волосы да причеши, — говорит он. — А то ходишь, как... Смотреть стыдно!

Наконец мы выходим на улицу. По посёлку, к платформе, идут многие. Целыми семьями. На платформе, как в Первомайский праздник, толпа. А вот и электричка появилась. Я случайно оглядываюсь и вижу сестрёнку Воробья, Наташку.

— А ты чего здесь? — спрашиваю я.

— Так.

— Толик хорошую ёлку привёз?

— Никакую.

— Как никакую? — И мне становится смешно: «Струсил! Ай да Толик!»

— Он ещё не пришёл.

— Не пришёл — удивлённо переспрашиваю я. — Почему не пришёл?

— Иди, иди, — говорит мне папа и подталкивает в вагон.

«Как не пришёл?» Дверь за нами захлопывается, и мы едем. «А где же он? Почему не пришёл?» Я прохожу в переполненный вагон. Стою среди широких спин, воротников. «Где же Толик? Ведь он уехал. Где он? — спрашиваю сам себя. — Ведь я его звал, он не отвечал.»

Я смотрю в окно. Мелькает чёрное и белое, как в испорченном телевизоре. Иногда чиркнут огни, тусклые, жёлтые.

— Ты что такой грустный? — спрашивает мама.

— Да так.

— Волнуется, — говорит папа и улыбается.

Мне становится жарко. Твёрдый, почти железный воротник новой рубашки давит мне в подбородок. Рубашка покусывает меня.

«Где же Толик?» — думаю я.

Папин товарищ живёт в районе новостроек, это за две остановки до города. Дома здесь светлые и расположены редко. Во всех домах сегодня — ни одного тёмного окна. Все разноцветные: красные, жёлтые, зелёные, как ёлочные огоньки.

Папин товарищ радостно встречает нас. Долго жмёт папе руку. Здоровается с мамой, потом со мной.

— Василь Василич, — говорит он мне. — Раздевайтесь, проходите в комнату.

Навстречу нам выходят какие-то люди, тоже здороваются, папе и маме называют свое имя-отчество, а мне говорят просто «Здрате!». Лишь одна тётя, бочком протолкнувшись в малогабаритную дверь, кричит мне:

— Здравствуй, мое солнышко! Какой хорошенький мальчик! Просто прелесть! А я — тётя Адя. — И она жмёт мне руку. Я беру и не знаю, что делать. Рука мягкая и ни один палец не шевельнется.

Но тётя Адя уже забыла обо мне. Она что-то говорит другим и катится в соседнюю комнату.

Я долго стою один. Мужчины курят в коридоре, разговаривают о чём-то, все женщины на кухне. А я забиваюсь в угол, к приёмнику, и тихонько кручу ручку настройки. Посвистывает, трещит, гудит. Врывается музыка. Мир дышит гулко и шумно. Отживает последний час старого года. Идёт Новый год!

«Где же Толик? — думаю я. — Где же Толик? Неужели в лесу? Один?»

...«А поезд шёл — чик-чик-чик-чик — в Чикаго!»

...«О, не забудь меня, ты счастье мне дала...»

...«И в наступающем году, я надеюсь, вы будете добиваться таких же крупных надоев?» — «Конечно!»...

«Толик, ну что ж ты, Толик! Как же так?»

И я думаю, какой Толик слабый. Когда ходим за грибами, он устаёт самым первым. Он единственный из наших, кто не может переплывать речку.

И я вспоминаю, как он сегодня доверчиво смотрел на меня своими голубыми глазами, быстро-быстро моргая ресничками...

— За стол! — командует Василь Василич. — Все за стол!

Мы садимся. Наливают рюмки. Радио — на полную громкость. Тишина. И вот... «Дорогие товарищи!» Все встают. Держат рюмки в руках. С новым счастьем! С Новым годом! И-ш-ш-ш! — Москва. Красная площадь. Бом! Бом! Бом!

— Ура! — кричат все. — Ура!

Как всегда жду я, как люблю эту минуту!

— Ура! С новым счастьем, с Новым годом!

Стреляют бутылки шампанского, шипят и сыплют искры бенгальские огни. Конфетти падает на людей, на стол.

— Ура! — громче и дольше всех кричит тётя Адя.

А потом начинаются танцы. Тётя Адя вскакивает, роняя стулья, устремляется ко мне.

— Я с молодым человеком! — Она хватает меня и вытаскивает на середину комнаты. — Тара-ра-ра, тара-ра-ра! — Кладёт мне руку на плечо и начинает меня вертеть туда-сюда. — Не стесняйся, не стесняйся, веди меня! Клади мне руку вот так. Тара-ра-ра, тара-ра-ра! А я, как робот, которого учат ходить. Спотыкаюсь, тащусь за тётей Адей.

— Обнимай меня, обнимай! Клади ладонь на спину!.. — кричит тётя Адя.

Но обнять её всё равно что обнять земной шар. Я весь красный и потный. Губы у меня плотно сжаты, и смотрю я мимо тёти Ади. И не дышу.

— Тара-ра-ра, тара-ра-ра!

Наконец-то кончилось. Музыка умолкает, и я проворно прошмыгиваю в коридор.

— Что нового, молодой человек?! Ты что такой скучный? — спрашивает Василь Василич. Он такого же роста, как и мой папа. Но пошире в плечах, поплотнее. Виски у него начали сесть. — Как дела на учебном фронте?

— Хорошо учится, — отвечает за меня папа и берет Василь Василича под руку. — А я, Вася, все вспоминаю, как ты меня тогда раненого тащил, под Усть-Царвой.

— Да чего там! Я тебя или ты меня... Ведь тоже не бросил бы.

Они уходят на кухню, закуривают. Василь Василич, попросив у папы разрешения, открывает форточку, и из нее в кухню вливается белый пар. Как будто на улице кто-то курит и выдыхает к нам в помещение.

А я возвращаюсь в комнату и забываюсь за приёмник. Я думаю о Толике. Может быть, он бредёт сейчас нашим лесом, по пояс проваливаясь в снег? Или, скорчившись, сидит где-нибудь под ёлкой и замерзает? Мне-то хорошо здесь, а каково ему! Ведь он такой слабенький.

Может быть, сказать папе?

Я выхожу в коридор.

— Ну что? — спрашивает папа.

— Толик в лесу остался!

— Какой Толик? — не понимает папа.

— Воробьёв.

— Как остался?

Я рассказываю. Папа молчит, смотрит на меня. Затем он тихонько хлопает меня по затылку и улыбается:

— Ерунда! Толик давно уже дома. Он лучше тебя наш лес знает. Эх ты! — он ерошит мои волосы. — А тебе так хочется к Толику, да? Ладно уж, потерпи.

— Нет, правда! Толик мог остаться.

— Ладно, ладно! — говорит папа. — Потерпишь! Каждый день с Толиком! — И он уходит.

Я стою в растерянности. Дей-

ствительно, может быть, Толик уже вернулся? Мы уехали, а он пришёл, сидит себе! А вдруг остался, тогда что? Что тогда?

Я хорошо знаю Толика. Он может!

— Василь Василич, а сейчас электрички ходят? — спрашиваю я.

— Да, последняя в час ночи. А сегодня, может быть, всю ночь. Зачем тебе? Уж не домой ли захотел?

— Нет.

Я припоминаю, что от нас в город в два часа идёт поезд. А сейчас полпервого. Можно съездить и вернуться. Узнать, дома ли Толик, и обратно. Никто не заметит.

Я беру пальто, шапку и ухожу. Одеваю уже на улице, на бегу.

Во всей электричке я еду, наверное, один. Теперь я думаю только о том, дома ли Толик. Если дома, то я приду и скажу ему... Я скажу... Я не знаю, что я ему скажу. А если его нет дома?

Чем ближе подъезжаю к своей станции, тем тревожнее становится мне. Прилипаю лицом к стеклу, всматриваюсь в темноту. Вот и посёлок. Во всех окнах дома Воробьёвых горит свет. Значит, Толик дома! Я направляюсь к выходу. «Ну и Толик! Ну и трус! А теперь мне зададут!» Электричка замедляет ход, тише, тише. Останавливается. Раскрываются двери. Но я не выхожу. Я вижу Толикину маму. Она, озябнув, стоит на платформе и напряжённо, тревожно смотрит вдоль состава. Она ждёт.

Двери захлопываются. Электричка сдвигается, постепенно начинает набирать скорость.

Значит, Толика нет дома? Значит, он ещё не пришёл? Он в лесу!

Я выхожу на платформе «семьдесят восьмой километр».

Тропка в лес, как в глубокую пещеру. Даже неба не видно над головой. Лес весь чёрный, нигде ни просвета. И кажется, что за каждым деревом притаился кто-то, молча следит за мной. Корявые ветки деревьев тянутся ко мне, будто когтистые лапы. Здесь хоть дорога чуть посветлее, что-то видно, а туда, в темноту, мне надо лезть.

Электричка затихает вдали, а я всё ещё стою и озираюсь по сторонам, в нерешительности топчусь на одном месте. Может, не ходить? Страшно! Но идти надо. «Шагай, шагай!» — командую я, тихонько переставляю ноги, готовый каждую секунду броситься обратно. Не оглядываюсь, боюсь. Не зову Толика. Убирая голову в плечи, сгорбясь, прохожу под многоголными ветками ёлок. Я не могу определить, где тогда свернул с тропки. Сначала мне кажется, что в этом месте, затем — в другом.

— Толик! — начинаю тихонько звать я. — Толик! Воробей!

Полушёпотом, осторожно, как будто Толик стоит где-то рядом и сейчас откликнется мне. Теперь я уже не знаю, куда иду: от тропки или к ней. Я давно потерял ориен-

тировку и просто бреду по лесу.

— Толик! — всё громче зову. — Воробей!

Идти по снегу так же трудно, как бежать по воде. Спотыкаюсь, падаю и снова иду. Лезу через густой хрусткий ельник.

— Толик! — зову я. — Толик! — и плачу. Ельнику, кажется, не будет конца, он будто переверит колючей проволокой, через него не продраться. Я наваливаюсь на него грудью, упираюсь изо всех сил и лезу, лезу. Я понимаю, что заблудился.

— Помогите! — кричу я. — Помогите!

Снег, снег со всех сторон, снизу, с боков, коснёшься дерева — и сверху — ух! — и ползёт, ползёт, шурша, снежная лавина. А я один! Никого кругом!

— Помогите! Толик! — кричу я. Мне не хочется замерзнуть здесь в лесу. Только не останавливаться, только не останавливаться! В ногах невыносимая боль, я потерял рукавицу, и теперь у меня замерзает рука. Прячу её в карман и лезу, не глядя куда.

— Толик! Толик! — Мне кажется, что кто-то хватается за меня, держит. — А-а-а!

И совершенно неожиданно выхожу в поле. Далеко впереди вижу огни. Там люди, тепло. Тепло! Я осматриваюсь. Совсем рядом со мной полотно железной дороги. Я выбираюсь на него и, всхлипывая, спотыкаясь, бегу к посёлку. Это наш посёлок.

А Толик, как же Толик? Замёрз Толик! Спасать надо! Людей звать!

В нашем доме горит свет. Я осторожно открываю дверь и захожу в комнату. За столом папа и Василь Василич. Они долго и пристально смотрят на меня. Я почему-то робею и смущённо отворачиваюсь.

— Ты где был? — строго спрашивает папа.

— За Толиком, — чуть слышно бурчу я.

— Не ври! Отвечай правду!

— За Толиком, — повторяю я.

— Не ври! — И папа хватается за рукав. — Толик уже давно спит, я к нему заходил. А ты где был? Говори!

Мне стыдно Василь Василича, и я молчу. Толик, Толик! Мне вдруг становится так горько.

— Где ты врать научился! — кричит папа и замахивается на меня.

— Не надо! — говорит Василь Василич. — Ну, это не надо!

— Он испортил весь праздник!

— А ты узнай!.. — кричу я.

— Ну, зачем так! — успокаивает Василь Василич папу. — Одевайся и идём. Там нас ждут, волнуются. А мальчишка пусть спит ложится. В их возрасте это бывает.

— А всё-таки где ты был? — спрашивает меня Василь Василич.

— За Толиком.

— Кто такой Толик?

— Да есть тут один, дружок, — поясняет папа.

— Ну, так и что же Толик?

— В лесу остался. Когда за ёлками ходили, — говорю я.

— В лесу? — удивлённо переспрашивает Василь Василич. — А что же ты отцу-то не сказал?

— Я говорил.

— Говорил ты, — передразнивает меня папа. — Надо было как следует сказать, по-настоящему! — В голосе его звучит неуверенность, досада.

— Так, так... — Василь Василич смотрит на меня. — И ты, значит, поехал? Искать? Один в лес? Всё понятно... Пожалуй, ты прав... Ну, ложись-ка спать. Идём, — зовёт он папу.

Они уходят. В коридоре хлопает дверь.

— Что же ты так парня-то? — слышу я, как тихо, с укоризной говорит Василь Василич папе. Они проходят под окном. — Ведь он у тебя видишь какой... Парень-то молодец!..

Заглушая голоса, гулко скрипит под ногами промороженный снег:

У ПИСАТЕЛЯ Ильи Ефимовича Туричина есть две воинские награды. Одну из них — медаль «За боевые заслуги» — он заслужил в годы Великой Отечественной войны. А вторую — всего год назад, в наши мирные дни. Вторая награда — это медаль «За отличие в охране Государственной границы СССР».

Давно дружит И. Е. Туричин с воинами-пограничниками. Его знают часовые наших рубежей Крайнего Севера и Белоруссии, Сахалина и Дальнего Востока, Курильских островов и Прибалтики, Закавказья. С далёких лет войны остался писатель верен своему солдатскому долгу, солдатской дружбе.

Поэтому и большинство его книжек посвящено тем, кто с оружием в руках боролся за счастье народов нашей родины, кто охраняет их мирный труд сейчас. Очевидно, многие из вас знают эти книги: повесть «Недремлющий лес» об отважном белорусском партизане Коле Гойшине, «Крайний случай», «Сердце солдата». Скоро вы получите его новую книжку — о пограничниках.

И есть у Ильи Ефимовича ещё верные хорошие друзья: ребята. О них он создал пьесу «К морю», написал книжки «Андрейкин счёт», «Кому лететь», «Закон тридцатого», «Приключение октябрёнка Васи Сомова в прошлом».

В этом месяце писателю исполняется 50 лет. Поздравить его нам тем более приятно ещё и потому, что четырнадцать лет назад он был редактором первых номеров нашего журнала, создавал «Искорку».

А вам мы предлагаем прочесть новую повесть Ильи Ефимовича Туричина «Осечка».

Илья ТУРИЧИН

Рисунки Г. Ясинского

*Маленькая повесть с переодеванием,
погоней и собакой по кличке Гром*

1.

История эта началась в кабинете начальника пограничного отряда Ивана Фёдоровича Скачка.

Обсуждалась подготовка к инспекторской проверке. Стрё-

льбы дневные и ночные, тактика, уставы... Увенчать проверку намечалось учением. В обстановке, приближённой к боевой.

— Опять двое солдат третьего задерживать будут? Слезы, — обронил майор из политотдела.

— Разрешите? — поднялся капитан Мишин, очень черно-волосый и очень высокий, которого за рост ещё в училище прозвали «Движущейся мышёнью». — Надо пустить штатского, а то и двух. И чтобы незнакомые лица.

— На моей «Волге» повезёте? — спросил начальник отряда. — Вся граница знать будет.

— Да нет же, товарищ полковник! — Тёмные глаза Мишина загорелись азартом. — Мы «нарушителей» с моря высадим. Ночью.

— Засекут сразу.

— Не засекут! График подачи лучей прожекторами составим так, чтобы участок высадки не освещался. Высадим с нашего корабля. Будто бы у моряков учение. Можно создать для «нарушителей» все условия. Это ж в вашей власти! И место выбрать. Вплавь высаживать можно, в устье ручья. И пусть-ка их обнаружат!

— А вот они возьмёт да и не обнаружат! — мечтательно сказал майор из политотдела.

— То есть как это не обнаружат, товарищ майор?

— Уйдут ваши «нарушители». И что? Осечка?

— Не может быть никакой осечки, товарищ майор! У наших ребят нюх!..

— Ну, это вы, Мишин, увлеклись, — улыбнулся начальник отряда. — В общем-то мне идея нравится, только где же мы хороших «нарушителей» возьмём? Тут ведь нужны первого сорта. Чтобы плавали и всё такое.

— Найдём, товарищ пол-

ковник! — убеждённо сказал Мишин. — Да вон у меня сестрёнка приехала погостить, Лена. Она ж в институте физической культуры имени Лесгафта учится. На третьем курсе уже. Пловчиха.

— Надо ещё её спросить, согласится ли она ночью в море лезть. Тоже радости мало, — сказал майор.

— Да что у нас, акулы, что ли?

— Акулы не акулы... — неопределённо протянул майор.

Долго ещё говорили о будущем месте высадки «нарушителей» и прочих подробностях. Мишину приказано было поговорить с сестрой «без нажима» и подобрать ей напарника. Об исполнении доложить.

А операцию называли «Осечка». По предложению майора из политотдела.

2.

Лена была под стать брату — довольно высокая, темноволосая, коротко стриженная, болтушечная. Днём она пропадала на море. В любую погоду. Даже в дождь. А по вечерам занимала любимившийся ей угол дивана и, поджав под себя ноги, накинув на плечи китель брата, читала. Кое-кто из приятелей Мишина пытался пригласить её в кино или в клуб на танцы, но она только строго поджимала губы и вежливо благодарила. Так вежливо, что сразу отбивала охоту приглашать вторично.

В тот вечер, после совещания у начальника отряда, Ми-

шин подждал сестру. Предстоял серьёзный разговор. Надо, чтобы Лена согласилась, непременно согласилась участвовать в операции «Осечка». Он даже заботливо приготовил ужин — вскипятил чайник и нарезал колбасу такими ломтями, что подавился бы и крокодил, который, как известно, запросто проглотил мочалку довольно крупного размера.

Надо бы всё-таки сказать несколько слов о капитане Алексее Павловиче Мишине, пока он ждёт сестру, потому что потом начнутся главные события и рассказывать уже будет некогда, и ещё потому, что у читателя может создаться неблагоприятное впечатление, поскольку автор над ним немного подтрунивает. Так вот, капитан Мишин — человек, увлечённый службой по настоящему, как иные увлекаются футболом, или телевизором, или коллекционированием. Иные торопятся поскорее покончить со служебными делами, чтобы отдаться своей внеслужебной страсти. Страсть Мишина — это служба. Со всеми её горестями и радостями, победами и поражениями, большими и малыми заботами. Для него граница — святая святых, люди границы — первые люди на земле.

Можно было и ещё порассказать о Мишине, потому что лично мне такие люди по душе, но пришла Лена.

На Лене голубые брюки, светло-серая, очень лёгкая шерстяная кофточка с блестящими пуговками и красные бо-

соножки. Тёмные волосы влажны после купания, а глаза словно вобрали в себя блеск моря и солнца. Она удивлённо посмотрела на стол, потом на брата, потом снова на стол и с притворной тревогой спросила:

— Что-нибудь случилось, Алёша?

Мишин засмеялся:

— Ничего не случилось. Как море?

— Удивительно мокрое.

— Садись. Я тебе налью чаю.

— Не-ет, — протяжно сказала Лена. — Если не случилось, то случится. Капитан Мишин ухаживает за сестрой! Новое в военной науке и технике.

— Садись, садись...

Лена притихла и стала пить чай, каждый раз подолгу принаравливаясь, перед тем как откусить кусок от могучего бутерброда. А Мишин, положив локти на стол и подперев щеки ладонями, смотрел, как она ест.

— Алёшенька, — жалобно сказала Лена, — хочешь, я завтра тебе компот сварю?

И оба рассмеялись.

Но Мишин не умел долго хитрить. Он не был дипломатом и поэтому решил сразу перейти к делу.

— Как ты относишься к ночным купаниям?

— Никак. У вас же их не разрешают.

— А если я тебе устрою?

— По знакомству?

— По знакомству.

— Алёшка! Ты чудо двадцатого века! — сказала Лена

и тут же насторожилась: — А что я должна за это сделать?

— Пустяки!

— Понятно, — кивнула Лена. — Двадцатый век. Услуга за услугу.

— Ты можешь хоть один раз быть серьёзной? — нахмурился Мишин.

Что-то в тоне, каким он произнёс это, было необычным. И Лена, так же как брат, молча сдвинула брови и стала очень похожей на него.

— Должен тебя предупредить: в любом случае, согласишься ты или не согласишься на наше предложение (он интонацией выделил слово «наше»), всё, о чём я тебе сообщу, — военная тайна. Понимаешь?

Лена кивнула.

— Нам надо провести учение. Поиск и задержание нарушителей. Их будет двое. Высадка с моря.

Брови Лены поползли вверх, глаза расширились изумлённо, и в них появились весёлые бешенята. Они так и запрыгали в зрачках.

— И ты... вы хотите, чтобы...

— Вот именно, — перебил её Алексей. — Мы предлагаем тебе сыграть роль нарушителя. Физически ты, как студентка института Лесгафта, подготовлена, морально...

— Алёша! — Лена неожиданно вскочила, обняла брата за шею. — Не порти песню, Алёша.

— Пусти! Ну и ручки у тебя!

— Это ты меня раскормил колбасой и маслом.

Мишин поправил ворот гимнастёрки:

— Значит, согласна?

— Конечно! Надеюсь, стрелять будут холостыми?

Мишин вдруг замялся. А вдруг действительно кто-нибудь выстрелит сгоряча? И потом, собака пойдёт по следу, и если её спустят с поводка... Но ведь «нарушители» не будут сопротивляться. Значит, пограничники не будут применять оружие. Вот только собака...

— Операция очень серьёзная. Стрелять, конечно, не будут, да и пойдёшь ты не одна, а с опытным пограничником. Мы его переоденем в штатское. Будет твоим начальником.

— Ты чего-то недоговариваешь, Алексей.

— Я сказал всё. Ещё там будет собака.

— Обожаю собак! — сказала Лена. Не признаваться же ей, что собаки — единственные существа на свете, которых она побаивается. Не считая, конечно, мышей.

3.

Теперь надо было найти Лене подходящего напарника. Конечно, можно переодеть солдата, или сержанта, или офицера. Здесь, на границе, служат люди достаточно опытные, готовые к выполнению любого задания. Ни одному и в голову не придёт, что он, мол, играет в «сыщики-разбойники» и поэтому можно отнести к тако-

му делу спустя рукава. И всё-таки из сотен людей надо выбрать одного. «Нарушитель» должен уметь хорошо плавать, знать пограничную службу, быть достаточно находчивым и сообразительным. К тому же, хотелось бы, чтобы его не знали в лицо на той заставе, где будет проводиться операция. И вот капитан Мишин отправился искать такого человека. Надо сказать, что это было нелёгкое, утомительное путешествие. Хотя и сидел он в своём кабинете за письменным столом, покрытым листом потёртого плексигласа. Под плексигласом лежал табель-календарь на текущий год, список телефонов городских организаций и фотография известного боксера В. Попенченко. Поскольку Мишин занимался боксом. Бокс, с точки зрения хозяина кабинета, имел отношение к службе.

Мишин сидел в одиночестве и, мысленно перебираясь с заставы на заставу, беседовал с пограничниками, подыскивая подходящую кандидатуру. Беседовать было нетрудно, потому что люди были знакомыми, лица их возникали одно за другим. Мишин пытливо всматривался в них и спрашивал: а как у тебя с плаванием? А как насчёт сообразительности? Скажем, надо перевезти на другой берег реки волка, козу и капусту...

С одним, с другим разговаривает. Все хорошие кандидаты. А может, кого и еще лучше найти можно? Эх, самому бы пойти! Да где там! Захочешь на заставу внезапно на-

грнуть, ан уже ждуд — личность известная.

Мишин поднялся из-за стола, чтобы размяться, подошёл к окну. За окном в это время остановился «газик». Вышел из «газика» рослый парень в парадной форме с иголки, и Мишин сразу узнал сержанта Егорушкина с Н-ской заставы. Отделение Егорушкина показало на последних стрельбах высший класс. И по всем остальным показателям было впереди. Вот и вышел приказ: командиру отделения сержанту Егорушкину объявить отпуск на десять суток, не считая дороги. Верно, приехал за документами. Красив Егорушкин. Нет, не штатской красотой: нос там римский или греческий, взгляд орлиный или подбородок с ямочкой. Лицо как лицо, губы обветрены, нос облупился. Солдатской красотой красив сержант: держится ровно, плечи широкие, все пуговицы, хоть и припекает солнце, застёгнуты. А зелёная фуражка сдвинута набок, чуть-чуть, чтобы можно было про него сказать: лихой солдат! А ещё чуть сдвинешь — скажут: стилига.

Сержант скрылся в подъезде штаба, а Мишин снова уселся за стол. Вот бы такого, как Егорушкин!.. Но сержант — отпускник. Наверно, и документы уже заготовлены. Мишин взял телефонную трубку и попросил басовитого телефониста соединить с финчастью.

— Здравствуйте, товарищ майор. Капитан Мишин беспокоит. Сержанту Егорушкину проездные документы уже вы-

писаны? Нет? Товарищ майор, пошлите, пожалуйста, Егорушкина ко мне. А документы пока не выписывайте: долго ли бланк заполнить! Нет-нет, товарищ майор. Поедет. Просто разговор есть один.

Через несколько минут в кабинет постучали.

— Да.

— Разрешите, товарищ капитан? Сержант Егорушкин прибыл по вашему приказанию.

— Здравствуйте, Егорушкин. — Мишин поднялся из-за стола, крепко пожал сержанту руку. — Садитесь. И учтите, не по приказанию, а по просьбе. Улавливаете?

Егорушкин сел.

— Пока не улавливаю, товарищ капитан.

— В отпуск?

— Так точно.

— Домой, в Феодосию?

— В Феодосию.

— Жара там, наверно, Егорушкин.

Сержант заулыбался:

— Да уж припекает.

Мишин не был дипломатом и не признавал окольных дорог, поэтому он сказал:

— А что, если отложить отпуск?

— Отложить? — спросил сержант растерянно, лицо его сразу осунулось, и только улыбка ещё не успела сойти, и казалось, будто она с чужого лица.

— Да вы не волнуйтесь, Егорушкин, — сказал Мишин и вздохнул. Уж кто-кто, а он-то понимал, что значит для солдата отпуск. — Ненадолго отложить, на несколько дней.

Тут такое дело... — И Мишин рассказал сержанту о задуманной высадке «нарушителей» с моря. Дело непростое. Нужны люди хорошо плавающие, выносливые и сметливые. Вот он, Мишин, и подумал о сержанте Егорушкине, поскольку тот вырос на Чёрном море, пловец отличный и вообще подходит по всем статьям. А отпуск... Что отпуск? И через несколько дней — тот же отпуск.

Сержант Егорушкин слушал внимательно, но лицо его оставалось при этом равнодушным, и Мишин никак не мог уловить, как тот относится к предложению.

Потом Егорушкин сказал:

— Конечно, вы можете приказать.

— Да не буду я приказывать, Егорушкин. В конце концов, что у нас, людей нет, что ли? Просто я подумал, хорошо бы в это дело Егорушкина. А девушка подождёт.

— Какая девушка? — спросил сержант.

— Ваша. В Феодосии.

Егорушкин засмеялся:

— Моей девушке уже под шестьдесят, товарищ капитан. Мама у меня там.

— А мама сыну во всякое время рада. Написали уже?

— Написал. Но только только день не сообщил. Граница. Мало ли что... — сказал Егорушкин серьёзно и тотчас спросил: — А потом начальник мне отпуск не задробит?

— Да за что ж, Егорушкин?

— Мало ли... Вдруг какая осечка выйдет?

Мишин улыбнулся:

— Между прочим, операция так и называется: «Осечка». Только никакой осечки не будет, быть не должно.

Егорушкин в тот день в отпуск не поехал.

Мишин доложил начальнику, что «нарушители» подобраны. А на другое утро поехал на заставу, где предполагалось произвести высадку. Разумеется, по другим делам. Но мы-то с вами знаем истинную цель поездки!

Пока капитан Мишин занимается тайной рекогносцировкой на предполагаемом месте действия, позвольте вас познакомиться ещё с несколькими примечательными личностями. На всякий случай. Вдруг мы с ними ненароком встретимся где-нибудь в лесу или у моря? Тем более, что они — коллективные владельцы собаки по кличке Гром.

Самому старшему, Яну, от роду тринадцать лет. Волосы у него такие светлые, что издали кажутся седыми. И он такой тощий, что издали походит на движущийся километровой столб. А близко к нему вы не подойдёте, потому что он ведёт на поводке огромную собачищу. Рядом с ним, держась за тот же поводок, шагают: справа — Антоша, а слева — Дзинтра. Антоша смолисто-чёрный, кучерявый, смуглый до того, что сразу появляется желание потереть его хорошо намыленной мочалкой с водою погорячей. Только могу сказать заранее, что мойка эта ничего не изменит. Родители его — оседлые цыгане и передали сыну, согласно законам наследственности, всё, что имели сами, включая живые плутовские глаза немислимого лилового оттенка.

Дзинтра — девочка, она соответствует своему имени, поскольку «дзинтарс» по-русски значит «янтарь». Волосы у девочки янтарные, веснушки на лице, руках и ногах тоже янтарные. Только глаза серые. Впрочем, в то, что Дзинтра —

девочка, вам придётся поверить на слово. Потому что отличить её от приятелей совершенно невозможно. Стрижка у неё мальчишечья, одежда мальчишечья, движения и повадки тоже мальчишечьи.

Вся троица учится в шестом классе средней школы посёлка, название которого останется неизвестным по причинам, не зависящим от автора. Могу только намекнуть, что посёлок этот расположился в лесу, недалеко от Н-ской заставы, где сейчас находится капитан Мишин.

Итак, они ведут на поводке собаку по кличке Гром. Поэтому на всякий случай отойдём подальше. Гром из тех собак, с которыми лучше не связываться. Родители его служат на границе. А Гром, будучи выбракованным, ещё неуклюжим пушистым щенком с полувисячими ушами был подарен Яну, Антоше и Дзинтре. И отнюдь не случайно. Если бы мы с вами осмелились подойти поближе, то увидели бы на закатанном рукаве рубашки Яна зелёный квадрат с майорской звёздочкой в середине; самой настоящей, такой, какую носят на погонах старшие офицеры. Ян — начальник штаба ЮДП — юных друзей пограничников. И не улыбайтесь, пожалуйста: эту должность получить не легче, чем должность начальника любого другого штаба. Пожалуй, ещё труднее. Потому что в войсках начальника штаба просто назначают приказом, а тут тебя должны избрать.

Вы не замечали, как порази-

тельно собаки перенимают черты характера хозяев? Гром, здоровенный, серый, с подпалинами пёс не очень чистой породы, смел, как Ян, плутоват, как Антоша, и драчлив и непостоянен, как Дзинтра. Никогда не знаешь, что он выкинет. Особенно если где-нибудь поблизости кошка или учитель математики. Никто не мог понять, что Гром имеет против учителя математики. Только однажды, когда троица привела подростого уже пса в школу и все уселись за парты, Гром вдруг зарычал, шерсть его поднялась дыбом, он бросился к двери и, как его ни уговаривали, категорически отказался впустить в класс учителя математики. Даже директор, с его властью и незыблемым авторитетом, ничего не мог поделать. Так урок и не состоялся.

Ребята воспитывали своего пса с невероятным упорством. Методичный Ян составил расписание собачьих уроков, предварительно посоветовавшись с пограничниками. Гром кое-чему уже научился: он не брал пищу из чужих рук, шёл рядом, садился по приказу, умел ползти и очень легко находил спрятавшихся Яна, Антошу и Дзинтру. Отыскивать же иных людей ему просто ещё не доводилось.

Сейчас, как вы догадываетесь, летние каникулы, и знакомая уже вам троица выводит Грома на прогулку. Мы за ними не пойдём, — познакомились на всякий случай, и достаточно. Вернёмся лучше в отряд, тем более что и капи-

тан Мишин вернулся, а нам никак нельзя упускать его из виду. С минуты на минуту он должен познакомить Лену с сержантом Егорушкиным.

5.

Церемония знакомства была излишне официальной, но исключительно по вине капитана Мишина. Он привёл Лену в свой кабинет, куда вскоре пришёл и Егорушкин. Капитан сурово сдвинул брови и без улыбки, как бы подчёркивая служебную сухость момента, произнёс:

— Прошу знакомиться, товарищи. Товарищ Мишина, сержант Егорушкин. Прошу садиться.

В течение всей беседы, которая длилась около часа, ни Лена, ни сержант Егорушкин не обратились друг к другу ни с одним вопросом, только изредка поглядывали не без любопытства, которое тщательно скрывали.

Были уточнены место и время высадки, экипировка, способ хранения суточного запаса продуктов, примерный маршрут и т. д. и т. п.

Потом, позвонив предварительно по телефону, капитан Мишин пригласил Лену и сержанта Егорушкина следовать за собой и представил их начальнику отряда полковнику Скачку.

Полковник был менее официален и разговаривал с молодыми людьми скорее как отец, нежели как начальник. Расспросил о здоровье, об успехах в плавании, дал не-

сколько деловых советов и распрощался с ними. Егорушкин и Лена пожали друг другу руки и разошлись. Лена купаться, а Егорушкин примерять штатскую одежду.

Егорушкин был, как мы уже знаем, парнем рослым, и брюки и рубашка капитана Мишина оказались ему впору, вот только пиджак несколько жал под мышками. Мишин посоветовал сержанту двигаться осторожней, чтобы пиджак ненароком не лопнул по швам.

Егорушкин только вздохнул и, унося с собой одежду, подумал, что он так и не знает имени девушки, с которой предстоит путешествовать. Капитан называл её официально «товарищ Мишина». А спросить её имя Егорушкин постеснялся.

Теперь, чтобы не вдаваться в детали подготовки, в разные подробности и мелочи, без которых, как известно, не обходится ни одно предприятие, давайте терпеливо подождём ночи. А чтобы время не пропало даром, я скажу несколько слов о границе.

Граница — самое удивительное место из всех, где довелось побывать. Граница — это целый каскад противоречивых ощущений. Здесь и покой, и настороженность, и размеренная будничность службы, и вечно волнующая торжественность церемонии приказа на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Вслушиваешься в тишину — а она складывается из шороха ветра в соснах, говора моря,

движения реки, хруста песка. А ведь так тихо кругом!

Здесь не говорят «берег», а говорят «урез». Он тянется на много километров — тихий, песчаный, в плеске волн, в белых и розовых ракушках, в тёмных полосках выброшенной морем травы.

Стоишь на урезе лицом к синеве, глядишь в необозримую трепещущую даль и вдруг в какое-то мгновение подумаешь: а ведь это граница. Край моей земли. А там, за синевой, «ничьё» море и ещё дальше — чужая земля. И окаменеет на мгновение сердце, и невольно начинаешь озираться, взгляды-

ваться в песок. А нет ли на нём отпечатков чужой ступни?

А потом улыбнёшься: ведь этот песок просмотрен пядь за пядью прошедшим недавно нарядом. От солдатских зорких, настороженных глаз не укроется даже крохотный птичий след. Солдаты своё дело знают!

И всё-таки, возвращаясь на заставу, будешь глядеть по сторонам, вглядываться в тени сосен, вслушиваться в хруст сухих игл. Потому что, если попал на границу, сам становишься пограничником. Граница — это прежде всего состояние вечной готовности встретить врага лицом к лицу.

(Окончание следует)

АНГЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

НА ЭТИХ страницах мы помещаем три английские народные баллады о приключениях на море.

Английский флот издавна бороздил океаны в поисках новых земель для грабежа. Это был разбойничий флот, и порядки на нём были тоже разбойничьи. За малейшую провинность матросов протягивали на канате под килем корабля, забивали до смерти, вешали на реях. В балладе так и говорится: «Хоть в могилу, хоть во флот».

Невеселы баллады о море. Гибнет юнга, обманутый капитаном. Тонет Спенз, посланный по прихоти короля через бурное зимнее море. Если бы не храбрая девушка, остался бы навсегда на корабле проданный парень. Такая продажа была широко распространена в Англии: по стране бродили шайки вербовщиков, которые высматривали сильных и ловких парней, подпавляли их и обманом или силой увозили в ближайший порт, где и продавали капитанам.

Народ не покорялся угнетателям. На кораблях вспыхивали восстания...

Все три баллады взяты из книги «Три лесных стрелка», которая готовится к печати в издательстве «Детская литература».

Переводы Игнатия Ивановского.

Гибель юнги

*Я служил на корабле,
Королевском корабле.
Мы однажды подошли
К неизведанной земле
И пиратский чёрный бриг
Увидали в полумгле
У безлюдных глухих болот.
Слышим, юнга говорит
Капитану-ворчуну:
«Впереди пиратский бриг,
Я пушу его ко дну.
Что ты мне за это дашь,
Если я не утону
У безлюдных глухих болот?»
Отвечает капитан:
«Коль минует нас беда,
За тебя я выдам дочь,
Свадьба будет хоть куда.
Утопи проклятый бриг,
Пусть сожрет его вода
У безлюдных глухих болот!»
Завернулся паренёк
В шкуру чёрного быка,
Прихватил с собой бурав
С судового верстака*

*И поплыл не торопясь,
Чтоб доплыть наверняка,
Вдоль безлюдных глухих болот.
Он сверлил пиратский борт
В первый раз и во второй,
А пираты эту ночь
Просидели за игрой
И отправились на дно
Хмурой утренней порой
У безлюдных глухих болот.
Наш парнишка плыл назад,
Был он счастлив, был он горд.
Закричал он: «Капитан!
Подними меня на борт!»
И услышал он в ответ:
«Пусть тебя поднимет чёрт.
Погибай у глухих болот!»
Капитан ушёл к себе,
Плотно двери затворив,
А парнишка нам кричал,
Что его несёт прилив.
Мы подняли паренька,
Но уж был он еле жив
И погиб у глухих болот.
Оказалась коротка
Песня юнги-паренька..
Мы зашили паренька
В шкуру чёрного быка,
И свалился он за борт
Наподобие мешка
У безлюдных глухих болот.*

Сэр Патрик Спенз

1. Плавание

Король шотландский пировал.
Невесел был обед.
«У нас прибавился корабль,
А капитана нет!»
Но с королём заговорил
Старейший из вельмож:
«Сэр Патрик Спенз лихой моряк,
Смелее не найдёшь».
И вот с письмом от короля
Отправился гонец
И сэра Патрика нашёл
У моря наконец.
Письмо сэр Патрик развернул
С улыбкой на устах,
Письмо сэр Патрик дочитал
В печали и слезах.
«В Норвегию, в Норвегию
По бурному пути.
Принцессу из Норвегии
Ты должен привезти».
«Дурные ветры начались,
И вьюги замели.
В такую пору никуда
Не ходят корабли.
Но пусть вьюга ревёт,
Поплывём мы вперёд
По бурному пути.
Принцессу из Норвегии
Должны мы привезти».
Ушёл во вторник их корабль,
Весь день мела пурга.
Они в Норвегию пришли
Под вечер четверга.

2. Возвращение

«Поставьте парус, молодцы,
Пора идти домой».
«Крепчает ветер, капитан,
Полнеба скрыто тьмой».

Я видел новую луну
Со старой на руках.
Впервые в сердце у меня
Зашевелился страх.
Они отплыли сотню миль,
Когда стряслась беда:
Стемнело вокруг,
И ветер завыл,
И вспенилась вода.
Сломалась мачта пополам,
И каждый новый вал
То бочку в море уносил,
То моряка смывал.
«Тащите бархат и шелка,
Не время их беречь!
Ножом порите на куски
И затыкайте течь!»
Тащили бархат и шелка,
Не время их беречь,
Ножом пороли на куски,
Но не заткнули течь.
Вельможа не хотел мочить
Наряд богатый свой,
А тут, глядишь, его вода
Накрыла с головой.
Немало пуха из перин
Качалось на волне,
Немало дюжих молодцов
Тонуло в глубине.
Придворным дамам короля
Придётся долго ждать,
Пока домой сэр Патрик Спенз
Воротится опять.
Придётся девушкам считать
Недели и года,
Им больше смелых моряков
Не видеть никогда.
Сэр Патрик Спенз лежит на дне
У борта корабля,
А возле ног его лежат
Вельможи короля.

Проданный парень

Парень сеял и пахал,
Всю весну не отдыхал.
Целый день, бывало, пашёт и
поёт:

«Мне её сказала мать,
Нашей свадьбе не бывать,
И теперь мне хоть в могилу, хоть
во флот!»

Богачи, боясь за дочь,
Отослали парня прочь, —
Подпоили, да и продали во флот,
Чтобы стал он моряком,
Услыхал он пушек гром:
Он под пушками скорее пропадёт.
Ну, а девушка его
Не сказала ничего,
Да зато решила всё наоборот.
Раздобыв наряд мужской,
В порт отправилась морской
Вслед за парнем, тайно
проданным во флот.

Сквозь туманы и дожди,
Но с надеждою в груди
Днём и ночью шла и шла она
вперёд,

Повторяя на ходу:
«Всё равно его найду,
Хоть любимого и продали
во флот!»

Капитан, седой моряк,
Ей, смеясь, ответил так:
«Что я вижу! Вы — девица,
добрый сэр!

Будьте счастливы вдвоем,
Мы матросов продаем,
Нам довольно сотни фунтов,
например».

Тут монеты, как река,
Потекли из кошелька,
Им на палубе устроен пересчёт.
Вот и все дела с концом,
Молодые — под венцом,
А матросов и поныне ищет флот.

Рис. Ю. Бочкарёва

ДЕСЯТЬ ОРИЕНТОВ... ...В ШЕСТОМ-2"

Радиолюбитель Я. Пончиков поймал позывные неизвестной радиостанции. Целый месяц в одно и то же время он записывал на магнитофон непонятные сигналы. Писателю Владимиру Арро удалось их расшифровать...

116-й ОРИЕНТ

ПО СИРИУСИАНСКОМУ ИСЧИСЛЕНИЮ ВРЕМЕНИ — 24 ЯНВАРЯ ПО ЗЕМНОМУ КАЛЕНДАРЮ.

Командор! Согласно вашим инструкциям, ежедневно провожу пятичасовой сеанс наблюдений за землянами в возрасте 12—13 лет, используя для этого обязательное для них посещение здания, которое называется «школа». О, здесь много любопытного! Землянта обоего пола по тридцать — тридцать пять человек расходятся по комнатам, на дверях которых начертаны разные литеры. Я, сам не знаю почему, выбрал литер «шесть-а». Они садятся по двое за столы лицом в одну сторону, так что у всех в поле зрения оказывается аспидно-чёрная доска.

Через равные промежутки времени, которые, как я вычислил, имеют сорок пять земных минут, где-то внизу звенит колокольчик, и в комнату входит взрослый землянин. При этом все землянта встают и умолкают. Но, как я заметил, появление взрослого оказывает на них такое магическое действие не надолго.

В комнате четыре окна, стены выкрашены зелёным (состав краски мне пока ещё неизвестен). На доске пишут белыми комочками какого-то вещества, по-моему, известкового происхождения. Перед каждым на столе лежит линованная бумага, которую они называют «тетрадь». На ней пишут металлическими перьями жидкостью фиолетового цвета. Кроме того, у каждого есть..

ДОРОГОЙ КОЛЛЕГА, НЕ РАЗМЕНИВАЙТЕСЬ НА ПУСТЯКИ. ВСЁ, ЧТО ВЫ ПЕРЕДАЁТЕ ПО ТЕЛЕТАЙПУ, РАЗУМЕЕТСЯ, УВЛЕКАТЕЛЬНО, НО МЫ НЕ МОЖЕМ ЗА ДЕСЯТЬ ОСТАВШИХСЯ ОРИЕНТОВ ИССЛЕДОВАТЬ ВСЮ СЛОЖНОСТЬ ЗЕМНОГО УСТРОЙСТВА ЖИЗНИ. НА ПОРУЧЕННОМ ВАМ УРОВНЕ СЛЕДУЙТЕ ТЕМ ЖЕ ИНСТРУКЦИЯМ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧИЛИ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ИНФОРМАТОРОВ ЭКСПЕДИЦИИ, А ИМЕННО: КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ДОКУМЕНТОВ, ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПРОТОКОЛОВ НАБЛЮДЕНИЙ,

ПРОВ И СРЕЗОВ. ИХ МЫ ОБРАБОТАЕМ ЗДЕСЬ, НА КОРАБЛЕ.

КАК РАБОТАЕТ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ АНАЛИЗАТОР? ГЕНЕРАТОР НЕВИДИМОСТИ?
ДРУГАЯ АППАРАТУРА?

117-й ОРИЕНТ

Командор! Аппаратура работает безотказно. По-нимаю вас. Передаю ряд полученных мною доку-ментов.

1. Плакат на стене: «А математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит. Ло-моносов»

2. Запись в дисциплинарной тетради: «Жильцов принёс в школу свисток. Вертелся, вырвал все листы с записями из дневника. Жевал бумагу»

3. Из тетради Солдатовой по пению: «Ой ты Коля, ой ты Коля, Коля из Саратова, не тебя ли, мой Никола, кошка исцарапала?»

Д^ОР^ОГ^ОЙ К^ОЛ^ЛЕ^ГА! БЛАГОДАРИЮ ЗА ЦЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ХОТЯ ДВА ПОСЛЕДНИХ ДОКУМЕНТА НАШ ЦЕНТР ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ ЗАТРУДНЯЕТСЯ КВАЛИФИЦИРОВАТЬ. ПРИНЁС СВИСТОК - ЗАЧЕМ? ВЫРВАЛ ЛИСТЫ - ЗАЧЕМ? ЖЕВАТЬ БУМАГУ - НЕ ЕСТЬ ЛИ ЭТО ОДИН ИЗ СПОСОБОВ УСВОЕНИЯ ЗНАНИЙ? УТОЧНИТЕ, ЧТО КАСАЕТСЯ КОЛИ ИЗ САРАТОВА, КОТОРОГО ИСЦАРАПАЛА КОШКА, ТО ВЫ, ВЕРОЯТНО, ЧТО-НИБУДЬ ЗДЕСЬ НАПУТАЛИ. ЕЩЁ РАЗ ПРОШУ, НЕ ОТВЛЕКАЙТЕСЬ. НАПОМИНАЮ: ГЛАВНЫМ АСПЕКТОМ ВАШЕГО НАБЛЮДЕНИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ "ПИОНЕРСКАЯ РАБОТА". ПОСТАРАЙТЕСЬ УЗНАТЬ, В ЧЁМ ОНА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ, ПОНАБЛЮДАЙТЕ ЕЁ КОНКРЕТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. БАЗА ОСОБЕННО ЗАИНТЕРЕСОВАНА В ЭТИХ СВЕДЕНИЯХ, ИБО СОБИРАЕТ СЕЙЧАС ВСЁ ЛУЧШЕ, ЧТО ЕСТЬ В ГАЛАКТИКЕ, ЧТО МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ СИРИУСЯТ.

118-й ОРИЕНТ

Командор! Признаться, этот аспект наблюдений с самого начала меня озадачил. О «пионерской ра-боте» мне здесь пока ничего не приходилось слы-шать. Пионерская работа — это, надо полагать, озна-чает, — работа пионеров. Но есть ли здесь пионеры? Неизвестно. Постараюсь узнать. Передаю пока два очередных документа.

1. Надпись на доске: «Герасим шёл и не замечал ничего кругом»

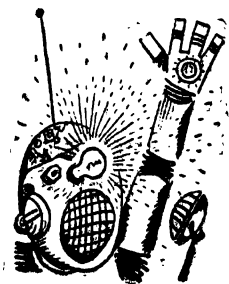
2. Запись в дисциплинарной тетради: «Жильцов принёс не ручку, а какой-то огрызок»

Командор, вы не поверите, какие здесь адские морозы, всё во мне коченеет. Но несмотря на это, наблюдаемые мною земляята на «переменах» (так здесь называются перерывы между «уроками») бе-гают без пальто в соседний «ресторан» за «петуш-ками». Мне удалось, будучи невидимым, лизнуть одного «петушка». Он оказался сладким, как наша глюкоза.

КОЛЛЕГА! ЦЕНТР ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ВАМИ НЕДОВОЛЕН. ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ СООБЩАТЬ, КАК ВАМ БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО, ДАННЫЕ, КАСАЮЩИЕСЯ ПИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ, ВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПЕРЕДАЁТЕ ЗАГАДОЧНЫЕ, ТРУДНООБЪЯСНИМЫЕ ПОСТУПКИ УЧЕНИКА ЖИЛЬЦОВА. СЧИТАЮ НУЖНЫМ ПРОИНСТРУКТИРОВАТЬ ВАС БОЛЕЕ ПОДРОБНО. ПИОНЕРЫ - ЭТО САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕНЯТ, СУДЯ ПО ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ, ИМЕЮЩИМСЯ В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ, ПИОНЕРЫ ОЧЕНЬ АКТИВНЫ. ОНИ НЕТЕРПИМЫ КО ВСЯКОМУ ЗЛУ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ. В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ОНИ СОБИРАЮТСЯ НА "СБОРЫ", ГДЕ НАМЕЧАЮТ ПЛАНЫ И ОБСУЖДАЮТ СВОИ ДЕЛА. ИХ ИЗЛЮБЛЕННАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ - ПОМОЩЬ СТАРШИМ. БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ - ОНИ НЕ ЛЮБЯТ АФИШИРОВАТЬ СВОЮ ПОЛЕЗНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПОМНИТЕ - НАМ ОСТАЛОСЬ СЕМЬ ОРИЕНТОВ!

120-й ОРИЕНТ

Командор! Сенсация! Оказывается, вокруг меня — все пионеры! Да-да, все до единого! Теперь я всё понимаю. Вероятно, это тайная организация. А я никак не мог себе объяснить, почему один земледелец вчера прятал красный галстук в карман. Мне кажется, я попал на след конкретного факта «пионерской работы». Вот он: стенд на стене, озаглавленный «Это интересно!». «Маленькое чудо природы появилось на свет в канун Нового года в овчарне крестьянина Бурша из департамента Воклюз. Осматривая одного из новорожденных ягнят, он, к своему удивлению, обнаружил, что у ягнёнка три ноги. Маленького уродца взяли на свое попечение школьники деревни».

КОЛЛЕГА! "ЭТО ИНТЕРЕСНО" - ЭТО НЕ ИНТЕРЕСНО. СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ. ФАКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ. ФОРМЫ РАБОТЫ. ВОТ ЧТО НАМ ОТ ВАС НАДО. ПЛОХО, КОЛЛЕГА. НАДО БОЛЬШЕ ДУМАТЬ О БЛАГЕ НАШИХ СИРИУСЯТ.

122-й ОРИЕНТ

Командор! Я не выхожу из «шестого-а» ни на минуту, но мои усилия по-прежнему тщетны. О пионерской работе никто здесь не говорит. Вот темы их разговоров за день:

«Чуден Днепр при тихой погоде!..»

«Жители Франции живут неординаково».

«Ламинария — это водоросль, очень нужная в народном хозяйстве».

«Если три стороны одного треугольника...» и т. д.

123-й ОРИЕНТ

Командор! Мне удалось выяснить, что одна из наблюдаемых землянят по имени Нина Лобашова руководит в этом классе пионерской работой. Должность её — председатель совета отряда. А полезной деятельностью, которая, оказывается, называется «тимуровской», руководит особый пионер. И знаете, кто это? Жильцов. Может быть, в свете этой должности, центр сможет объяснить его поступки. Вот дополнительные материалы. Я наблюдал его поведение во время урока рисования:

«Шу-шу-шу... Ах-ха! Фу! Дай стиралочки! Молчи, костяшка!» Не являются ли эти слова условными указаниями по «тимуровской» работе?

124-й ОРИЕНТ

Командор! Судя по вашему молчанию, моя информация вас не удовлетворяет. Сегодня мне пришлось в голову, что пионерская работа может проходить в первую половину дня, до уроков. С помощью детектора внушения я заставил одну из землянок-наставниц провести небольшое сочинение на тему «Моё утро». Завтра я буду знать результат.

ДОРОГОЙ КОЛЛЕГА! ВЫ ПОСТУПИЛИ ПРАВИЛЬНО. ЦЕНТР ЖДЁТ ОБРАЗЦЫ НАЗВАННЫХ ВАМИ СОЧИНЕНИЙ. КРОМЕ ТОГО, ПОСТАРАЙТЕСЬ УЗНАТЬ, КОГДА ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ПИОНЕРСКИЙ СБОР. НЕОБХОДИМО СОСТАВИТЬ ХОТЯ БЫ ОДИН ПРОТОКОЛ ТАКОГО СБОРА.

125-й ОРИЕНТ

Командор! Боюсь, что я разочарую вас. Вот образцы сочинений.

Сочинение Смирнова Саши. «В семь встал, зарядку сделал, в восемь поел, с полдевятого играл с бараном до полдесятого. В десять сделал зарядку. Учил уроки до полдвенадцатого. Читал книгу «Приключения Синдбада». Пошёл в школу».

Сочинение Жильцова Саши. «Встал в девять, выучил уроки, поел, пошёл к Лахову, пришли с ним к нам, дров накололи. Пошли играть в хоккей. Пошли опять к нему, собрались и пошли в школу».

Итак, утреннее время землянят никак не связано с пионерской работой. Когда же они ею занимаются? Мне удалось задать мысленный вопрос Нине Лобашовой о дне проведения сбора. Она ответила в пространство: «Завтра после пятого урока». Командор, я надеюсь, что на этот раз не подведу вас, хотя мне горько сознавать всю цепь моих неудач.

КОЛЛЕГА! ОСТАЁТСЯ ДВА ОРИЕНТА, А МЫ ЕЩЁ НЕ ИМЕЕМ ОТ ВАС НИ ОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРОЛИВАЮЩЕЙ СВЕТ НА ПИОНЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК ВЫ ВЫРАЖАЕТЕСЬ, «ШЕСТОГО-а». ПРИХОДИТСЯ С ОГОРЧЕНИЕМ КОНСТАТИРОВАТЬ, ЧТО

ПРОГРАММА ВАМИ НЕ ВЫПОЛНЕНА. МЫ ПОЛУЧИЛИ ЦЕННЕЙШУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ЗЕМНОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ, О ВЫРАЩИВАНИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ, О ПРОИЗВОДСТВЕ СИНТЕТИЧЕСКОГО ВОЛОКНА, О МЕТОДАХ БОРЬБЫ С ПОЖАРАМИ, О ПРАВИЛАХ ИГРЫ В ПИНГ-ПОНГ, О КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ, МЫ РАСПОЛАГАЕМ УНИКАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИЕЙ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ДРУГИХ ОБЛАСТЕЙ ЖИЗНИ. И ТОЛЬКО ДЛЯ СИРИУСЯТ МЫ НЕ ВЕЗЁМ НИЧЕГО. МЫ ЯВИМСЯ К НИМ С ПУСТЫМИ РУКАМИ. НЕХОРОШО, КОЛЛЕГА, НЕХОРОШО.

126-й ОРИЕНТ

Командор! Я сознаю всю степень своей вины и ответственности. В качестве последнего возможного оправдания я передаю вам протокол того, что Нина Лобашова назвала «пионерским сбором».

«17.40 по местному времени. В комнату входит землянка в белом халате. Все встают.

Землянка. Повторим то, что мы проходили про гигиену школьника...

Жильцов. Опять что-нибудь о микробах...

Землянка. Гигиена школьника — это ряд санитарно-гигиенических правил об уходе за кожей, ногтями, волосами и помещением. Разберём эти правила. Кожа выполняет ряд работ. Моется часто, особенно открытые части. Кожу моют в бане.

Жильцов. Воды не хватит!..»

КОЛЛЕГА, ХВАТИТ! ТО, ЧТО ВЫ ПЕРЕДАЁТЕ, ПО МНЕНИЮ ЦЕНТРА, НАЗЫВАЕТСЯ "БЕСЕДА ВРАЧА". К ПИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ ЭТО НЕ ИМЕЕТ НИ МАЛЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ. ИТАК, ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА КОРАБЛЬ. В 24 ЧАСА ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ МЫ ПОКИДАЕМ ЗЕМЛЮ.

126-й ОРИЕНТ,

22 ЧАСА ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ! ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ. ПОЧЕМУ МОЛЧИТЕ?

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ! Я - «СИРИУС-ПЯТЬ»!

126-й ОРИЕНТ,

22 ЧАСА 30 МИНУТ ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ

ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ! Я - КОМАНДОР. ПРИКАЗЫВАЮ НЕМЕДЛЕННО ВЕРНУТЬСЯ НА КОРАБЛЬ! ПРИКАЗЫВАЮ НЕМЕДЛЕННО ВЕРНУТЬСЯ НА КОРАБЛЬ!

126-й ОРИЕНТ,

23 ЧАСА ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ

«Сириус-пять»! - «Сириус-пять»! Я — информатор-четырнацать!

СЛУШАЕМ ВАС, ЧЕТЫРНАДЦАТИЙ! В АКОНЬЦ-ТО НАМ УДАЛОСЬ НАЛАДИТЬ СВЯЗЬ!

— Командор!

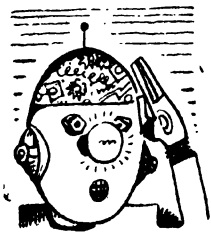
- ДА, СЛУШАЮ. ПОЧЕМУ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ НА КОРАБЛЕ?

— Я принял решение, прошу вашего согласия.

- О КАКОМ РЕШЕНИИ ВЫ ГОВОРИТЕ?

— Командор, я остаюсь.

- НЕ ГОВОРИТЕ ГЛУПОСТЕЙ! НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА КОРАБЛЬ.

— Нет, командор, разрешите остаться. Это мой долг. Я приложу все силы и выполню исследования. Я уверен — «шестой-а» — это случайность.

Вчера я слышал загадочные слова: «Красные следопыты!» Сегодня я чуть не натолкнулся в полутёмном коридоре на непонятого человека: он был с седой бородой и в пионерском галстуке! А сейчас, командор... вы слышите? Что-то непонятное происходит... По-моему, это во втором этаже трещат барабаны! Надо бежать, командор! Я добьюсь истины, я всё узнаю, даю вам честное слово! Для связи с Сириусом я использую квантовый излучатель.

- ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧЕМ ВАМ ЭТО ГРОЗИТ, КОЛЛЕГА?

— Понимаю, командор! Но что делать? Я не могу вернуться на базу ни с чем.

- И ВСЁ-ТАКИ Я ЗАПРЕЩАЮ ВАМ. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА КОРАБЛЬ. ВЫ МЕНЯ ПОНЯЛИ? ОТВЕЧАЙТЕ, ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ. ОТВЕЧАЙТЕ!

126-й ОРИЕНТ,

23 ЧАСА 30 МИНУТ ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ

ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ! Я - "СИРИУС-ПЯТЬ"! ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ БУДУТ ВКЛЮЧЕНЫ ДВИГАТЕЛИ!

126-й ОРИЕНТ,

23 ЧАСА 55 МИНУТ ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ

ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ! ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ, ИНФОРМАТОР-ЧЕТЫРНАДЦАТЬ! Я - "СИРИУС-ПЯТЬ" !..

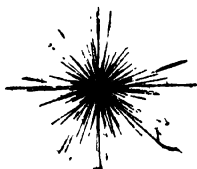

Рис. Ю. Бочкарёва

Главный п о с т с т р а н ы

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ... Приходилось ли вам бывать на ней в те торжественные минуты, когда из Спасских ворот выходят с карабинами три молодых бойца? Устремлённые в небо штыки проплывают мимо трибун и братских могил героев Октября, мимо зубчатой кремлёвской стены и строгих гранитных досок, на которых высечены имена верных сынов революции.

В эти минуты над площадью нависает тишина. Её нарушает только чеканный шаг солдат. И вдруг начинается мелодичный перезвон курантов на Спасской башне. Он словно плывёт над главной площадью страны, над всей планетой. Стрелка часов приблизилась к цифре XI. Со вторым ударом сменяются часовые у Мавзолея Ленина. Распахивается тяжёлая, окованная медью дверь, и в усыпальницу вождя вливается людской поток, заканчивающийся на самых дальних подступах к Красной площади.

И так 47 лет — с того дня, как 27 января 1924 года впервые открылись двери Мавзолея.

*Этот год
 видал,
 чего не увидят сто.
День
 векам
 войдёт
 в тоскливое преданье,—*

писал Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин». День этот — 21 января 1924 года. Страшное горе обрушилось на трудящихся всего мира: в 18 часов 50 минут в Горках умер великий вождь пролетариата. Гроб с телом Ильича привезли в Москву, и траурная процессия медленно двигалась по улицам столицы.

*Вовек
 такого
 бесценного груза
ещё
 не несли
 океаны наши,
как гроб этот красный,
 к Дому Союзов
плывущий
 на спинах рыданий и маршей.*

Со всех концов нашей необъятной страны приехали в Москву делегации рабочих и крестьян. Пять суток не спала столица: днем и ночью мимо установленного в Колонном зале гроба с телом Ильича двигалась нескончаемая процессия. Тысячи людей на 35-градусном морозе часами дожидались очереди проститься с вождём. Проходя мимо Ильича, матери поднимали на руки детей и говорили: «Посмотри на него и запомни навсегда. Будь таким, как Ленин!»

А в Москву отовсюду шли многочисленные письма и телеграммы. Советских людей волновала мысль о сооружении усыпальницы любимому вождю. «Немедленно поручить соответствующим специалистам разработку о сохранении тела дорогого Владимира Ильича на тысячи лет», — требовали железнодорожники Киева. «Необходимо, чтобы Ильич физически остался с нами и чтобы его можно было видеть необъятным массам трудящихся», — вторили киевлянам наши земляки — рабочие и служащие Путиловского (ныне Кировского) завода.

В ночь на 24 января правительство предложило архитектору А. В. Щусеву разработать проект Мавзолея. К утру 27 января он был сооружён. В этот день, в 16 часов, боевые соратники, родные и друзья Ильича

внесли гроб с его телом в Мавзолей. Звучала траурная музыка, гремели залпы орудий, на все голоса стонали заводские гудки. Я помню, как скорбно звучали тогда гудки заводов и фабрик нашего города, который в тот день назывался уже Ленинградом.

Настали пять минут прощания с вождем. Замерли станки на предприятиях, остановились поезда — не только в нашей стране, но и во многих капиталистических. На улицах и площадях городов, сёл и рабочих посёлков стояли в суровом молчании люди с обнажёнными головами. Они словно не чувствовали ни холода, ни ледяного ветра. На щеках сверкали замёрзшие бусинки слёз. А тысячи людей на Красной площади пели старую революционную песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

Несмотря на страшный мороз, народ не уходил с Красной площади больше шести часов. Всем хотелось поближе подойти к усыпальнице, у входа в которую замерли часовые поста № 1 — главного поста страны.

МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНА, который известен сейчас всему миру, уже третий. И все три проекта разработал Алексей Викторович Щусев, который в 1930 году был удостоен звания заслуженного архитектора СССР.

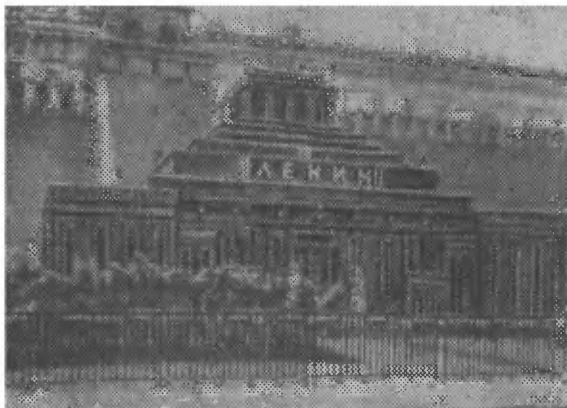
Поначалу архитектору поручили построить временный Мавзолей, чтобы делегации, опоздавшие на похороны вождя, могли проститься с ним. 22 января академик А. И. Абрикосов

произвёл бальзамирование тела Ильича.

С постройкой Мавзолея надо было спешить, а земля промёрзла на полтора-два метра. Приходилось отогревать её кострами, «выкапывать» взрывами. На Красной площади днём и ночью трудилось более ста рабочих Мосстроя. И не только они. Ежедневно приходило множество добровольцев: москвичи и питерцы, рязанцы и калужане. Во главе с Бела Куном явились венгерские коммунисты. На строительной площадке звучала польская и финская речь. Закончив смену, люди отказывались уходить домой и снова брались за топоры, ломы, лопаты.

Мавзолей построили в срок! Это был деревянный тёмно-серый куб (символ вечности), увенчанный небольшой трехступенчатой пирамидой. На фасаде из черных деревянных брусков всего одно слово: **ЛЕНИН**. Справа и слева к кубу примыкали пристройки: одна — для входа посетителей, другая — для выхода. Правая лестница почти на три метра спустилась в обитый красной материей Траурный зал. В центре его на возвышении стоял саркофаг с телом Ильича. Застеклённые прорези в верхней металлической крышке гроба позволяли видеть Ленина по пояс.

Как только открыли Мавзолей, к нему устремились представители делегаций и москвичи. За февраль мимо саркофага прошло около ста тысяч человек. Но приближалась весна. Правительственная комиссия поручи-

ла А. В. Щусеву составить проект более монументальной усыпальницы.

По утверждённому проекту А. В. Щусева уже в начале апреля 1924 года началось сооружение нового Мавзолея, и к 1 Мая основные работы были закончены. В этот день мимо тёмно-коричневой дубовой усыпальницы вождя, склонив знамёна, прошли колонны демонстрантов. Не было произнесено речей. С Мавзолея и боковых трибун трудящихся приветствовали руководители партии и правительства, старые большевики и знатные мастера труда. Все проходившие мимо Мавзолея видели обрамляющие его траурные знамёна. И на каждом — клятва вождю: «Пронесём твоё имя через весь мир», «Выполним твои заветы».

По форме второй Мавзолей был похож на нынешний, только поменьше размером. В «Кратком курсе географии Союза Советских социалистических республик» Г. Иванова, который вышел в 1924 году, есть три снимка, на которых хорошо видны и постройка Мавзолея, и сам Мавзолей в день 1 Мая, и колонны рабочих, проходящие по Красной площади. Этот учебник сохранился у меня, хоть занимался я по нему ещё когда был учеником класса «Д» (по-нынешнему — пятый) 224-й совтрудошколы.

В конце мая завершили перестройку Мавзолея, но открылся он только 1 августа, потому что не было закончено бальзамирование. В этот день под торжественные звуки оркестра в Мавзолей внесли пробитое пулями, окровавленное знамя одного из ба-

тальянон парижских коммунаров. Отправляя эту реликвию московским рабочим, две тысячи французских коммунистов дали клятву: не щадить сил для защиты русской революции и бороться за победу пролетариев всех стран.

Спасённое от версальцев знамя укрепили над ложем Ильича. Позднее эту реликвию передали в Центральный музей В. И. Ленина, а при-

креплённый к древку алый бант — в Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Карл Маркс говорил, что герои Парижской коммуны поднялись «на штурм неба». В наши дни это образное выражение как бы осуществилось: осенью 1964 года алый бант со знамени коммунаров вместе с портретами основоположников научного коммунизма Маркса и Ленина штурмовал космос на борту советского корабля «Восход».

В 1924 году в Мавзолее побывало более полумиллиона москвичей и гостей столицы.

В 1929 году правительство постановило соорудить каменный Мавзолей — на 999 лет, как говорили его строители. Архитектуру решили не менять, потому что за пять лет Ленинский Мавзолей стал дорог народам всего мира как память о любимом вожде.

История знает много усыпальниц — и величавый мавзолей Тимура Гур-Эмир в Самарканде, и беломраморный Тадж-Махал в Индии, который сооружали 20 тысяч рабочих в течение 18 лет. Но самой знаменитой была гробница царя Карии Мавсола (отсюда и слово «мавзолей»), которую воздвигла в Галикарнасе (Малая Азия) его жена Артемисия. Галикарнасский мавзолей считался одним из «семи чудес света». Соорудили его в IV веке до нашей эры, в XV веке он сильно пострадал от землетрясения, а впоследствии был разграблен иноземными рыцарями.

Мавзолей Ленина не должен был походить ни на один из своих пред-

шественников. Ленин — вождь масс. Как же отразить это в архитектуре? Трибуной! Ведь именно с трибуны выступал Ильич во время торжественных демонстраций и многолюдных митингов. Поэтому и сооружён Мавзолей Ленина в виде трибуны.

Не так-то просто оказалось подобрать материал для нового Мавзолея. Надо было, чтобы он в условиях сурового климата выстоял века. И А. В. Шусев начал поиски. Он объехал, многие каменоломни страны, отбирая ценные и благородные материалы: мрамор, порфир, гранит, лабрадор, лабрадорит, габронорит.

Особенно много хлопот доставила 60-тонная глыба чёрного лабрадора (этот материал получил своё название от полуострова), на которой предстояло сделать надпись — ЛЕНИН. Монолит доставили из Головановского карьера Житомирской области. Несколько раз каменотёсов постигала неудача: во время взрыва глыба давала трещины. А когда получили монолит нужного размера, возникла новая трудность: как доставить его в Москву?

С трудом взгромоздили камень на огромную телегу, и несколько тракторов восемь дней тащили её до станции Горбаши, которая находилась всего в шестнадцати километрах от карьера. С Ижорского завода подали на станцию специальную платформу, на которой в годы первой империалистической войны перевозили подводные лодки из Петербурга в Севастополь.

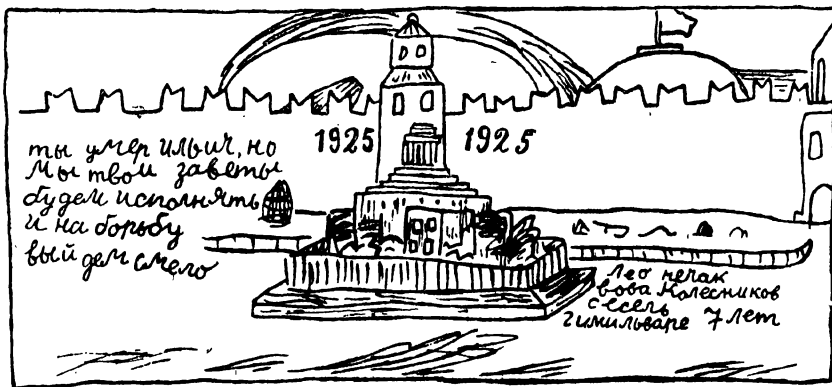
Это был самый большой камень Мавзолея. Остальные весили от одной до десяти тонн. А чёрный лабрадор для постаментов под саркофаг — двадцать тонн.

Немало хлопот доставила и инкрустация букв на главной плите сооружения. Буквы эти высечены из кварцита-порфира. А на всей планете есть только единственное место, где он залегают, — Карелия. Работа была настолько сложная, что её выполняли самые квалифицированные мастера. Один неточный удар мог уничтожить весь огромный труд, связанный с добычей, доставкой, шлифовкой монолита.

Шлифовали все глыбы тут же на Красной площади, в мастерских. Пришлось отшлифовать 2900 квадратных метров гранита. А на полировку одного только квадратного метра уходило около трёх с половиной дней.

Мавзолей был сложен поистине всем народом. Каждая республика прислала свои сорта гранита для 36 четырёхгранных колонн, которые поддерживают самую верхнюю плиту сооружения.

Прежде чем укладывать отполированные глыбы, рабочие соорудили железобетонный каркас и возвели стены из кирпича. Кирпич присылали самого лучшего качества, обёрнутым в рогожу, чтобы не побились кромки. Вначале каждому каменщику выдали по особому кирпичу. В нём было вырублено углубление, заполненное вязким веществом. Прежде

Этот детский рисунок был напечатан на последней странице январского номера «Мурзилки» за 1926 год, обложку которого вы видите на следующей странице.

чем начинать кладку, каждый выцарапал на этом кирпиче свою фамилию.

Обновилась и Красная площадь. Полностью реставрировали Кремлёвскую стену от Спасской до Арсенальной башни, сняли Иверские ворота, памятник Минину и Пожарскому перенесли из центра площади к храму Василия Блаженного, а трамвайную линию — к нынешнему ГУМу. Замостили площадь кубической брусчаткой. По обе стороны Мавзолея соорудили постоянные трибуны на десять тысяч человек...

Объём работ — огромный! Некоторые иностранные газеты писали, что на сооружение Мавзолея уйдёт не меньше 4—5 лет. Но советским строителям хватило шестнадцати месяцев: в октябре 1930 года — к 13-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции — каменный Мавзолей был готов!

НИКОГДА не иссякнет людской поток к сердцу земли — Мавзолею Ленина. Десятки миллионов человек, медленно спустившись в Траурный зал по 28 гранитным ступеням, обогнули саркофаг с телом великого вождя и учителя. Всего 80 секунд видели они Ильича. Но навсегда врезается в память образ вождя: голова с большим умным лбом, покоящаяся на красной, покрытой крепкой подушкой; тёмный костюм со значком члена ЦИК СССР; белоснежная рубашка с чёрным галстуком, лежащие на чёрном крепе руки...

Если вам удастся побывать в Мавзолее Ленина, то, перед тем как повернуть влево на лестницу, посмотрите на стену, которая окажется перед вами. Вы увидите Государственный герб нашей страны, высеченный на огромной плите серого лабрадора. Его изваял по эскизу известного советского скульптора И. Д. Шадра замечательный мастер-гранитчик И. А. Бунегин.

Попав в Траурный зал, посетители обходят саркофаг с трёх сторон по несколько приподнятой гранитной площадке с красным парапетом. И если вы взглянете на стены из серого лабрадора, то вам покажется, будто на них развеваются огненные знамёна. Они похожи на молнии, а сделаны из смальты-пурпурина. Много времени ушло на изготовление этих мозаичных знамен-молний. В те годы искусство мозаики было забыто, и только после продолжительных поисков на заводе имени Ломоносова удалось получить смальту — длинные, узкие пластинки. Их и вмонтировали в углубления, сделанные в плитах стены Траурного зала.

Кажется, знамёна излучают свет. Этим создатель Мавзолея архитектор А. В. Щусев как бы говорит: «Гений Ленина осветил мрак капиталистического мира, как молния прорезает и озаряет тьму вокруг себя».

И ещё вы увидите, что по бокам хрустального саркофага склонились знамёна. У изголовья — окружённый ажурными лавровыми и дубовыми листьями Государственный герб Совет-

ского Союза, а в ногах — дубовая ветвь.

КАЖДЫЙ ЧАС — днём и ночью, зимой и летом — под перезвон курантов на Спасской башне сменяются часовые поста № 1. Больше пяти с половиной тысяч сменилось их за 47 лет у входа в Мавзолей и у саркофага Ильича. Среди них были сыны многих народов нашей страны. Трое из них стали дважды Героями Советского Союза. Многие часовые погибли в боях за Родину в фашистских застенках, как генерал Григорий Тхор — один из руководителей подполья в концлагере Хаммельбург.

Солдаты полковника Александра Головачёва освобождали украинский город Васильков. В наши дни у могилы Головачёва принимают в пионеры октябрят. И они клянутся быть такими же отважными, как легендарный комбриг, который писал с фронта домой: «Если у меня не будет рук — буду идти вперёд и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Но пока враг в России — с фронта не уйду!»

В 1929 году у входа в Мавзолей стоял с винтовкой и будущей прославленной гвардии генерал-полковник Александр Родимцев.

Грозным летом 1941 года, когда над Москвой нависла смертельная опасность, главный пост страны раздвоился. Как и прежде, стоял караул возле гранитной святыни, а часовые поста № 1 сменялись под стук колёс вагона с телом Ильича, который отправился в тысячекилометровый путь в далёкий зауральский город, недостижимый для гитлеровских бомбардировщиков. Три года и девять месяцев часовые печатали шаг не по брусчатке Красной площади, а по паркету скромного здания. В апреле победного 1945 года тело В. И. Ленина привезли в столицу, а 16 сентября Мавзолей снова открылся.

У гранитной стены Мавзолея все-

гда много венков и цветов. 17 сентября 1964 года к ним присоединился венок, на алой ленте которого чётко выделялись написанные золотом слова: «Владимиру Ильичу Ленину от курсантов-кремлёвцев выпуска 1924 года». В тот день в Москву приехало около ста питомцев знаменитой школы. И рядом с молодыми солдатами на пост № 1 встали первые его часовые — генерал Григорий Петрович Коблов и фрунзенский пенсионер Арсений Владимирович Кашкин. Старые друзья не виделись сорок лет. 15 раз салютовала столица гвардейцам-кавалеристам Г. П. Коблова.

Старый друг генерала А. В. Кашкин сражался против басмачей и в 1930 году был тяжело ранен. Впоследствии он возглавлял крупнейшие совхозы Киргизии.

Бывают дни, когда на посту № 1 стоят не только часовые. 22 апреля, в день рождения Ильича, рядом с ними в почётном карауле можно увидеть седых ветеранов в генеральских мундирах и скромной штатской одежде. Многие из них видели Ленина,

слушали его пламенные речи. А 19 мая 1962 года, в день 40-летия пионерской организации, на главный пост страны встали шесть юных ленинцев — трое справа, трое слева от входа в Мавзолей, рядом с часовыми.

На виду у всей планеты стоят часовые поста № 1. И сами они видят всё, что происходит на Красной площади в будни и в праздники. Видели они, как во время парадов мимо Мавзолея проехали первые советские автомобили «АМО», как провезли по брусчатке мостовой многоместный самолёт «Крылья Советов», как прогрохотал первый сталинградский трактор — подарок XVI съезду партии.

Видели часовые, как 7 ноября 1941 года прямо с парада на Красной площади наши войска отправились на фронт — отбивать натиск врага. Как 24 июня 1945 года сводные полки десяти фронтов в безмолвии выстроились на площади. На парад Победы они пришли с пробитыми пулями знамёнами.

Воины шагали мимо Мавзолея, словно рапортуя: «Дорогой Ильич! Мы выполнили твой завет о защите социалистического Отечества!» Потом загремели барабаны. К Мавзолею направились бойцы с низко опущенными фашистскими знамёнами. Приблизившись к подножию усы-

пальницы, они бросали вражеские стяги на землю. Фашисты рассчитывали, что эти знамёна будут развеиваться над Кремлём, но им суждено было подметать брусчатку Красной площади.

Я помню этот день. Над Москвой моросил дождь. На Красной площади шёл парад Победы, а по улицам столицы медленно двигались колонны демонстрантов. Но они не вошли на площадь, а остановились на подступах к ней, словно приветствуя освободителей, которые явились к Ильичу с рапортом о победе над врагом.

И сейчас стоят на посту часовые. В дни праздников они видят, как мимо Мавзолея проплывают могучие ракеты, макеты гигантских ГЭС и стремительных космических кораблей. Это тоже рапорт Ильичу: народ выполняет его заветы и готов к защите завоеваний Октября.

Всё видят часовые: как к Мавзолею приходят космонавты перед новым штурмом неба, как принимают ребят в пионеры, как тёплой летней ночью всю Красную площадь заполняют выпускники школ... И тогда новая смена часовых шагает сквозь людское море к усыпанному цветами подножию святыни.

Н. САДОВЫЙ

ХОМЯЧОК

ИЗ МАГАЗИНА хомяка привезли. Белый, продолговатый, глазки-капельки, брусничные. Бросили в ящик тряпку — устраивайся, хомяк, живи!

Стал хомяк жить в рукаве. От Алёшиной старой куртки рукав — фланелевый. Была тряпка как тряпка: хочешь со стола крошки сметай, хочешь мух отгоняй, а теперь это и не тряпка вовсе, а хомякова нора. Да и нор таких, кроме как у нас, нигде нет. Живая нора: дышит, ворочается, то здесь вспухнет, то там выгнется. Понравилась нора хомяку — целый день сидит, не выходит.

Ждал его Алёша, не дождался, гулять пошёл. Нарвал во дворе травы, за дровами нашёл, — зелёная, как нарисованная. Воды ему принёс, крупы гречневой насыпал. Спит хомяк, будто и нет его.

Ждал его Алёша, не дождался, гулять пошёл. С ребятами в лапту поиграл. Верку с Надькой за косички подёргал. Домой пришёл. Спит хомяк, будто и нет его.

Скучно стало Алёше. Прилёг на диван, картинки полистал, заснул. Взрослые легли, свет погасили, тоже заснули. Тихо в комнате стало. Только пёс на кухне под столом храпит, лает — во сне за кошками гоняется.

Хомяку надоело спать. Вышел из норы, на задние лапки встал, вытянулся столбиком, прислушался: тихо ли? Тихо. На задние лапки опустился, посидел у норы — живог мячиком сделал. В обход пошёл, крадучись, низенький, узкий — в любую щель прошмыгнёт, если понадобится. До стенки дошёл, столбик сделал, на задних ногах попрыгал — нет, не достать до края, не выбраться.

Воды попил чистой, из Невы вода — вкусная, ленинградская. Понравилась вода хомячку — ещё попил, вытерся. Стал гречневую крупу есть. Два зёрнышка разжевал, проглотил — не горькие. Остальные глотать не стал, за щеками в мешки сложил, в нору понёс прятать. Весь избегал рукав, подходящего места не нашёл, расстроился — обратно выбежал надутый, встрепанный. Давай вдоль ящика бегать — некуда хомяку зимний запас укрыть. Думал-думал: нечего делать — в нору понёс. Выбежал озабоченный, мешки набил — щекастый стал, словно зубы у хомяка болят. Опять в нору побежал. Пока всё зерно не перетаскал, бегал, запыхался даже.

Воды холодной попил, вымылся, столбик сделал — тихо. Ух, можно наконец отдохнуть хомяку. Да не тут-то было. Заворчал железный, большой, белый такой, ногами затопал. Юркнул хомяк в рукав, ногами запутался со страху. Ну, в рукаве кататься... Холодильник посмеялся, успокоился: «Ишь, трусливый какой!»

А на улице луна светит, жёлтая, начищенная. Холодно. Нет на улице никого — все по домам укрылись. Неинтересно луне одной, в окна заглядывает: кто что делает? К нам заглянула.

Увидел хомяк луну, глазки сузил — прищурился, усами пошевелил: кто такая? Понюхал даже. Нет, не пахнет луна.

Стал хомяк у норы песок в кучу сгребать. Хорошая получилась куча, высокая. Взбежал на кучу хомяк, стойку сделал, на луну поглядел: нет, не пахнет. Давай опять мыться.

После в защёчные мешки песку насовал, в нору потащил. Опять набрал. Всю кучу к себе унёс, раз семь сбегал.

Заворочался Алёша во сне, одеяло на ковёр уронил, замёрз, съёжился. Мама подошла, одеяло с ковра подняла, встряхнула, укрыла Алёшу.

Увидел хомяк маму, на задние лапки встал, вытянулся, передними в воздухе помахал, вытерся. Долго так стоял, спросить что-то хотел — не решился.

Рассердился хомяк, стал блюдечко железное грызть — не поддаётся. Клочок бумаги в углу нашёл, весь изгрыз, натешился.

За окном светать стало. Ветер облака пригнал ватные, дымчатые. Скрылась в облаках луна любопытная. Пёс на кухне проснулся, головой помотал, зевнул. Спросонок на ухо лапой наступил, взвизгнул. Миску обнюхал — пустая миска.

Проснулся Алёша, глаза открыл — про хомяка вспомнил. Побежал хомяка смотреть. А нет хомяка! У норки нет, в рукаве нет — пропал хомяк.

Стали все хомяка искать. Под столом лазили, лазили — не нашли. Под шкафом смотрели — не нашли. Под диваном смотрели — не нашли. Расстроились все: друг на дружку смотрят — друг на дружку сердятся. Кто виноват?

Сунул пёс морду под шкаф, носом запылесосил, мамини туфли старые облаял зачем-то. Вытащили из-под шкафа туфли, а в одном из носка чей-то хвост торчит. Забрался хомяк в носок, спит, тепло ему, вылезать не хочет. Пришлось хомяку туфельку дарить...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ

ВОРОБЕЙ

Один воробьишка всех в лесу удивить хотел. Только ничего у него не получалось. Всё найти не мог, чем удивить.

Увидел однажды птицу с железными крыльями и с хвостом тоже железным. Зачирикал сразу на весь лес:

— Смотрите, смотрите!

А ему:

— Подумаешь, — говорят, — птица с железными крыльями. Стоило из-за этого на весь лес шуметь. Есть и такие птицы, что вообще без крыльев летают. Одна только жужжалка вверху крутится, а они летают.

В следующий раз воробьишка чудовище увидел, на змею похожее. Длинное, чёрное, извивается, а из блестящего клюва вода бьёт. А в лесу опять никто не удивился.

— Подумаешь, вода из клюва бьёт. Говорят, за нашим лесом есть ещё лес, а вот за тем лесом горы, так там вода прямо из камня бьёт.

Много ещё воробьишка чем удивить пытался, а все птицы только головки поворачивали:

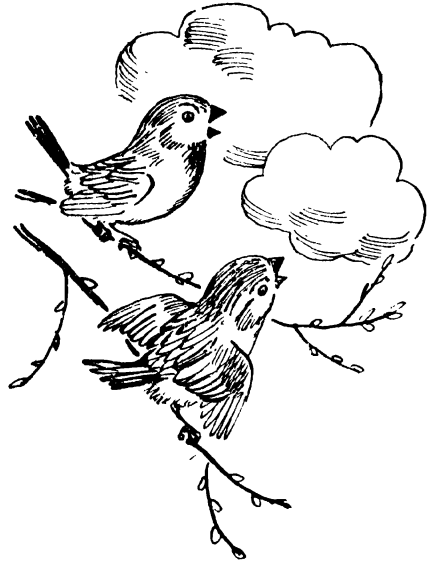
— Подумаешь, чего удивительного.

А однажды сидел он на высокой ветке и занимался самым любимым делом: в небо смотрел. Запрокинул головку, глаз прищурил, сидит и смотрит. Вдруг к нему старый воробей подлетает:

— Чего это ты тут высматриваешь?

— Да ничего, просто вон облака летят. Медленно летят.

— Облака летят? Ври больше! — Старый воробей даже подпрыгнул. — Это мы летать можем,

а они только и умеют сидеть на небе.

— Нет, — возразил воробьишка. — Я же сейчас сам сижу на ветке, и ты сидишь, а они вон летят. Красивые, разные все.

— Быть такого не может, — рассердился старый воробей, но на всякий случай поудобнее уселся на ветке и стал внимательно смотреть в небо.

А через две минуты в лесу раздался крик:

— Воробьишка облака нашёл. Воробьишка открытие сделал!

А воробьишка по-прежнему сидел на ветке и всё понять не мог: какое же облака открытие, если их все давно видят?

ПРО ЛОСЁНКА

Очень не любил лосёнок мыться. Все звери купались каждое утро, и днём тоже многие, а он нет. Боялся. «Полезу в воду, а там чудовище окажется. Я ведь не знаю, кто там в воде живёт. Вон она какая,

тёмная, страшная», — думал лосёнок и всегда обходил стороной озеро. Так и не мылся полгода, наверное, а может и ещё больше.

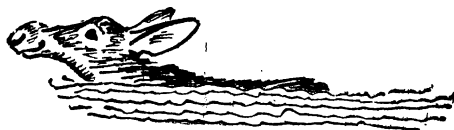
А однажды, когда все его братья и сёстры купались, лосёнок тоже к озеру подошёл. К самому берегу. И только голову нагнул, как из воды на него чудовище глянуло. Грязное, непричёсанное, шерсть в колючках, а глаз, глаз совсем не видно — всё паутиной залеплено. У лосёнка сразу ноги от страха задрожали, земля под ним закачалась, и свалился он всем телом прямо в воду.

Вынырнул лосёнок, закричал и скорее к берегу. А в воде все его

братья и сёстры плещутся, над ним смеются: «Лосёнок сам себя не узнал, лосёнок сам себя не узнал!»

«Ну да, не узнал», — обиделся лосёнок. Выскочил на берег, осторожно в воду посмотрел — нет там чудовища. Он, лосёнок, есть. Зайчики солнечные по его отражению гуляют. А того чудовища, с паутиной, с колючками, — как не бывало.

Удивился лосёнок: «Куда оно делось? Испугалось, наверное, как я свалился». И так это ему понравилось, что прыгнул он снова в воду и поплыл к своим братьям и сёстрам. А вода тёплая, солнечные зайчики по ней бегают...

В ПАМЯТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

КОГДА-то граница нашего города проходила в районе Автова, и все приезжающие в Ленинград через этот район видели не совсем обычный памятник — взошедший на пьедестал танк. Памятник этот был одним из первых, установленных в честь героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Вскоре после его установки в парке Победы пролегла аллея Героев, на братском Пискарёвском кладбище встал монумент Матери-Родины, а на Ржевке поднялся созданный руками ребят-пионерстроителей «Цветок жизни».

В честь героических защитников нашего города ленинградцы воздвигли крупнейший памятник: его монументы тянутся по всей бывшей линии фронта — от Ораниенбаумского «пятачка» до Ладоги. «Памятником длиной в двести километров» назвали его люди.

Наш народ никогда не забудет тех, кто в трудный час грудью встал на его защиту. Поэтому и создаёт он величественные памятники и монументы, сажает парки, прокладывает аллеи, слагает песни о героях.

И рядом с гигантом в двести километров рождаются маленькие, но тоже дорогие сердцу каждого ленинградца другие памятники — значки.

...Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала и надпись: «20 лет снятия блокады Ленинграда».

...Тоненькая чёткая строка золотых букв: «Ленинград», в начале её миниатюрная Золотая Звезда города-героя.

...Та же звезда с лаконичной надписью: «900 дней».

...Разбросанные по снежному полю надолбы и скрестившиеся в тёмном небе лучи прожекторов.

Таковы сюжеты нескольких значков, которые часто встречаются в коллекциях юных собирателей. Выпускались эти значки к различным годовщинам разгрома фашистов у стен нашего города, ко Дню Победы, просто на память гостям Ленинграда.

Мне же хочется рассказать о значках особых, о таких, которые можно увидеть только на лацканах пиджаков воинов-ветеранов.

...Тревожное лето 1941 года. Всё ближе к городу вражеские орды. Идёт сражение на Лужском плацдарме. Изматывая превосходящие силы противника, наши войска ведут кровопролитные бои. В Ленинграде в помощь армии формируются отряды народного ополчения. Десятки тысяч рабочих, служащих, студентов требуют зачислить их в создаваемые полки и дивизии.

С давних лет революции Выборгская сторона всегда считалась оплотом большевиков, коммунистов. Не раз укрывала она от преследований своего вождя В. И. Ленина. Здесь большевики района вручили Владимиру Ильичу партийный билет. Отсюда уходили многие отряды Красной гвардии, грудью вставая на защиту завоеваний Октября.

И когда над Родиной снова грянул гром войны, рабочие заводов «Русский дизель», имени Карла Маркса, «Красный Октябрь», имени Энгельса, студенты и преподаватели Политехнического института сразу же пошли на Лесной проспект в дом 65, где помещался штаб формирующейся дивизии народного ополчения. 11 сентября 1941 года дивизия заняла боевые позиции на Пулковских высотах.

Много лет прошло с того героического дня, и сегодня ветераны бывших сражений выпустили свой памятный значок: на нём орден Великой Отечественной войны I степени, знакомые ленинградцам бетонные надолбы, Адмиралтейская игла, гвардейская лента и надпись: «Ветерану ополчения 3 Выборгского стрелкового полка».

...Тихая, мирная речка Воронка в сентябре 1941 года стала для врага непреодолимым рубежом. Здесь, неподалёку от деревни Керново, фашистов остановили защитники Ораниенбаумского «пятачка»: войска 8-й армии и моряки Краснознамённого Балтийского флота. После долгих, упорных боёв врагу всё же удалось прорваться к берегам Финского залива, отрезав наши сражающиеся части от Ленинграда.

Но защитники Ораниенбаума не дрогнули. Долгие месяцы и годы обороняли они свою «малую землю», протянувшуюся по фронту всего на 70 километров и до 30 километров в глубину. Не раз Гитлер предписывал своим войскам группы «Север» сбросить русских воинов в залив, но все его приказы так и остались на бумаге. А 19 января 1944 года войска Ленинградского фронта из района Пулково и с «малой земли» перешли в наступление, разгромили семь пехотных немецких дивизий, захватили тяжёлые орудия врага, стрелявшие по Ленинграду, и положили начало полного освобождения города от осады.

Ветераны этих сражений тоже имеют свой значок. На нём изображена карта фронта, корабль Краснознамённой Балтики, два солдата в бою. Бывшим воинам этот значок вручается Ломоносовским городским исполкомом депутатов трудящихся и советом ветеранов.

...Силуэт древней крепости и надпись: «Орешек 1941—1943» — таков памятный значок, выпущенный по решению исполкома депутатов трудящихся города Петрокрепости и совета ветеранов. И у него тоже своя история.

В сентябре 1941 года немецко-фашистские войска, утратив надежду взять Ленинград штурмом, понеся огромные потери, решили замкнуть вокруг города петлю блокады. Моторизованная дивизия гитлеровцев во-

рвалась в Шлиссельбург (ныне Петрокрепость), захватила город, но не смогла преодолеть сопротивление небольшого гарнизона, оборонявшего Шлиссельбургскую крепость — древний русский Орешек.

Этот «орешек» оказался гитлеровцам не по зубам. Ни на день, ни на час не опускался над крепостью красный флаг. И если фашистам удавалось сбить его снарядом — через несколько минут появлялся новый. Небольшая группа артиллеристов и моряков героически защищала крепость, всё время ведя огонь по врагу. 500 дней продолжалось единоборство гитлеровских дивизий и горстки героев. Русские солдаты вышли из него победителями.

А в январе 1943 года пришлось фашистам оставить и весь Шлиссельбург. Город освободил 330-й стрелковый полк 86-й стрелковой дивизии. Солдатами этого полка были тоже ленинградские ополченцы — Дзержинского района. Получив боевое крещение в боях под Кингисепом и Усть-Тосно, полк стойко держал оборону на Невском «пятачке». Помните слова песни?

*Будут веками народом прославлены
Под пулемётной тургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.*

Под Синявином сражался и 330-й стрелковый полк. А когда грянул час расплаты и весь Ленинградский фронт перешёл в наступление, солдаты 330-го освободили город Пушкин, громя фашистов, прошли по псковской земле, освободили эстонский город Тарту и день Победы встретили на берегах Вислы.

17 лет существует уже совет ветеранов полка. Часто встречаются солдаты, отстоявшие Ленинград в тяжёлых боях. Сейчас и у них есть свой значок. На нём изображён воин, держащий развёрнутое красное знамя.

... Не удалось врагу замкнуть вокруг города кольцо блокады. По льду Ладожского озера, сквозь метели и штормы, пролегла легендарная «Дорога жизни», связала защитников Невской твердыни со всей страной. Начинаясь она у мыса Осиновец, тридцать километров тянулась по ледяным просторам озера, выходила на другом берегу у рыбацкого села Кобона и затем по глухому бездорожью пробивалась к станции Заборовье, бывшей в годы войны главной базой снабжения Ленинградского фронта.

Очень трудно было проложить эту дорогу, и не менее трудно было работать на ней. Постоянные налёты вражеской авиации, труднейшие

погодные условия зимы — ничто не могло остановить героев ледовой трассы.

В первую блокадную зиму дорога работала 152 дня, до 24 апреля. За это время по ней было завезено в Ленинград более 367 тысяч тонн различных грузов, в том числе 270 876 тонн продовольствия. По дороге было эвакуировано 514 тысяч жителей города и 35 тысяч раненых воинов. И если сейчас вы увидите у кого-нибудь на груди значок, изображающий памятник «Разомкнутое кольцо», что стоит на берегу Ладоги, и схему ледовой трассы на голубом фоне озера, знайте: владелец этого значка работал в те трудные годы на ответственной и опасной работе — на «Дороге жизни».

Выпущен этот значок советом ветеранов Ладужской «Дороги жизни».

...Огромную роль в обороне города сыграли и инженерные войска Ленинградского фронта. Тысячи километров укреплений, окопов, траншей, заминированных участков, сотни возведённых под огнём противника мостов, тысячи построенных дзотов, огневых точек, опорных пунктов, переправы через Неву, «Дорога жизни» — всюду вложен огромный труд военных строителей, сапёров, минёров. Сейчас у заслуженных воинов тоже есть свой значок: над красным знаменем — орден Отечественной войны, на знамени надпись: «Ветерану инженерных войск Ленфронта».

Но, конечно, самой дорогой наградой защитники города по праву считают медаль «За оборону Ленинграда». Среди тех, кого наше правительство удостоило этой высокой награды, немало и пионеров блокадных лет. Наравне со взрослыми тушили они зажигалки, вылавливали вражеских диверсантов, спасали город от огня, работали на заводах, вытаскивая снаряды, мины, набивая патроны. Мужество, выдержку, стойкость проявили они перед лицом опасности.

Знаете, сколько ребят было награждено медалью «За оборону Ленинграда»? Пятнадцать тысяч двести сорок девять!

В. ЩУКИН, капитан 2 ранга запаса

ЛЕВ-
«СИБИРЯК»

В Новосибирском зоопарке самый характерный представитель африканской фауны — лев по кличке Кайдик — жил три зимних месяца в клетке на открытом воздухе при температуре до минус 40 градусов по Цельсию.

Директор зоопарка отмечает, что у Кайдика по сравнению с тремя другими его братьями, зимовавшими в тёплом павильоне, был гораздо лучший аппетит, он здоров и чувствует себя отлично. Итоги эксперимента изучаются специалистами.

НЕОБЫЧНАЯ ФАБРИКА

Каких только фабрик и заводов не бывает на свете! Но фабрики, подобной той, которая открылась в Гавре (Франция), ещё, пожалуй, не было. Продукция этой фабрики... мы-

ши и крысы. Её запланированная мощность — 1 миллион мышей и 500 тысяч крыс в год. «Продукция» предназначена для научных учреждений.

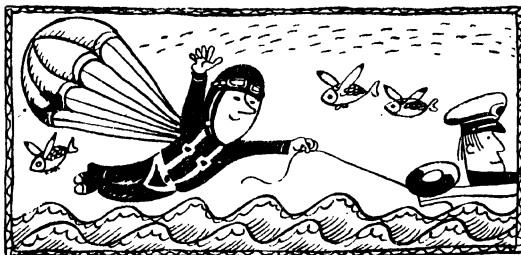
ОДИН
В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ

Не каждому взрослому довелось столько пережить, сколько перенес семилетний Игорь Вахнов, прошедший один в Уссурийской тайге, без пищи и спичек, безоружный, почти двенадцать суток.

Случилось это так. Слесарь одного из тетюхинских

предприятий Ю. М. Вахнов с товарищем направились в тайгу за голубиной. С ними поехал сын Вахнова — Игорь. В тайге его стали донимать комары, и он попросил отца отпустить его к палатке, где они ночевали. Отец его не отпустил одного, но Игорь не послушался и ушёл...

НА ПАРАШЮТЕ ЧЕРЕЗ... ОКЕАН!

Француз Патрик Бернар решил пересечь Атлантический океан на... парашюте. Пять суток два мощных катера будут тянуть за собой смельчака под раскрытым куполом парашюта. Пять дней и ночей он

будет болтаться между небом и водой, опускаясь временами до гребня волн. Патрик будет вести репортаж через микрофон для радиослушателей «Франс-Интер» о своих впечатлениях.

Только на двенадцатые сутки в 35 километрах от того места, где Игорь потерялся, он вышел к палаткам одного из отрядов «Приморсклеспроекта» в верховьях реки Иман. Все эти дни он упрямо искал «папину палатку», а взрослые искали его. Юный таёжник сильно ослаб, в тело ему впилось множество клещей.

Игоря доставили в тетюхинскую больницу. Он поправился и в сентябре пошёл в школу.

...только в нашей республике имеется более 300 театров? Они дают ежегодно 160 тысяч спектаклей, на которых бывает до 70 миллионов зрителей. В республике работают более 40 тысяч библиотек, почти 50 тысяч клубов и домов культуры. Примерно 60 миллионов человек посещают выставки и музеи.

...первые зрители на Олимпийские игры 1972 года отправились уже в ноябре прошедшего года? Это англичанин Гордон Нейсмит и австралиец Дэвид Эванс. Они живут в африканском государстве Лесото, и им предстоит путешествие верхом на... пони через 18 стран. Всего они берут 12 лошадок, чтобы в пути их можно было заменять. Протяжённость пути 24 тысячи километров.

...среди множества коллекционеров есть, оказывается, и собиратель красок? Это житель Челябинска, кандидат химических наук В. А. Малеванный. В стеклянных колбочках у него хранятся сотни образцов красок разных времён. Коллекционер поддерживает тесные связи с научными работниками, участниками археологических экспедиций.

...во Фрунзенском зоокомбинате (Киргизия) получено необычное пополнение — потомство от снежного барса? Две самки принесли по два детёныша. Малыши чувствуют себя прекрасно и переведены на специальный режим питания. Появление здорового потомства от снежного барса в неволе случай очень редкий.

...северная часть Атлантического океана, как установили учёные, похолодала на один градус по сравнению со средней годовой температурой? Если учесть, что один кубометр воды, остывая на один градус, нагревает при этом на один градус три тысячи кубометров воздуха, значит тепло, потерянное Атлантикой, перешло в атмосферу.

...самая тяжёлая и самая дорогая книга в мире экспонируется в Люксембургской королевской галерее в Ницце? Это «Апокалипсис» Жозефа Форе. Её вес — 210 килограммов, стоимость — 500 миллионов старых франков. Обложка книги из бронзы. При её изготовлении использованы 150 бараньих шкур, давших 150 пергаментных листов с 75 550 золотыми буквами.

★
...кругосветный перелёт вокруг земного шара на одномоторном самолёте решил предпринять швейцарец Макс Буттенс?

...на каждого землянина приходится... 250 миллионов насекомых? Ежегодно энтомологи обнаруживают несколько тысяч новых видов насекомых. Если столь много видов, то сколько же будет особей? Не счастье! И всё же учёным, при помощи математических методов анализа и обработки данных, удалось установить, что на Земле обитает насекомых миллиард миллиардов. Даже трудно вообразить такую величину! В 99 случаях из 100 насекомые либо нейтральные, либо даже полезные человеку. Вредит людям только один процент насекомых.

...сто один сорт яблок на одном дереве вырастил саратовец К. К. Ермаков? На ветвях этого «дерева дружбы», как назвал его садовод, рядом с русской антоновкой прижились пришельцы из многих стран.

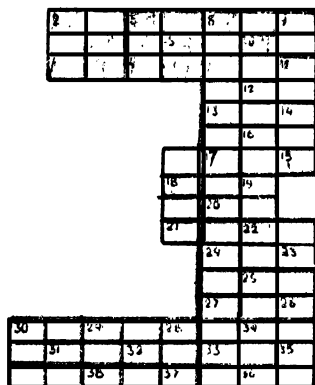

...вязание, как ни странно, изобрели мужчины в XIII веке в Италии? В XVI веке в Англии вязальщик чулок Вильям Ридер основал это ремесло. Прежде чулки шились портными из ткани.

АЙНВОРД «ТРИ БУКВЫ»

(Составил Коля РУНДКВИСТ)

1. Жидкость для придания блеска изделиям.
2. Заострённая палка.
3. Огородное растение.
4. Принадлежность игры на бильярде.
5. Медикамент.
6. Река, впадающая в Азовское море.
7. Река в Африке.
8. Польский писатель-фантаст.
9. Лекарственное и декоративное растение.
10. Повар на корабле.
11. Домашнее животное.
12. Хлопчатобумажная ткань.
13. Морское млекопитающее.
14. Отдельная книга в собрании сочинений.
15. Земля, свет.
16. Напиток.
17. Мягкий белый извест-

Отдел ведёт Вадим Акентьев

18. Сельскохозяйственное угодье.
19. Попадание мяча в ворота в футбольном матче.
20. Вода в твёрдом состоянии.
21. Установка для водных процедур.
22. Термин в шахматной игре.
23. Вокальный ансамбль.
24. Один из древнейших музыкальных инструментов.
25. Многоголосый сливающийся шум.
26. Согласие.
27. Портовое сооружение для ремонта судов.
28. Система условных обозначений.
29. Здание, жилая постройка.
30. Полуостров, углом вдающийся в море.
31. Молочный продукт.
32. Подводная скала, камни.
33. Основной цвет орнамента.
34. Административная единица в Греции.
35. Портовое сооружение.
36. Промысловая добыча рыбы.
37. Столетие.
38. Геометрическое тело.

ШИФРОВКА

└┐#8□8◇ 8Δ ⊙8X%V└

8Δ 2└┐#8◇□◇X V+◇

Здесь вы видите загадочную шифровку. Её не так трудно прочесть (расшифровать), если принять во внимание, что:

1. Каждая буква обозначается одним и тем же определённым знаком.

2. В каждом слове есть буква Н.

3. Одна из букв не заменена каким-либо условным знаком, а

просто перевернута «вверх ногами».

4. Буквы У и П обозначены одинаковыми знаками, только взаимно перевернутыми.

5. Вы, конечно, знаете букву, наиболее часто встречающуюся в русском языке?.. Здесь она встречается 4 раза.

6. Е повторяется 3 раза.

РАСКРЫТАЯ КНИГА

(Составил Витя МАРКОВ)

Здесь можно прочесть загадку, если гласные с правой страницы книги расположить между согласными на левой странице.

ШУТКА

Какое имя у девочки, которая, отвечая на вопрос, как её зовут, не может не сказать неправды?

Проверь себя

(Ответы к «Искрию» № 12)

ИЗ ЛИШНИХ БУКВ...

Семеро одного не ждут.

ХИТРЫЙ РЕБУС

В каком слове полбуквы? (Поле, пола, полка).

«ШАЙБУ, ШАЙБУ!»

Шайба, лайба, лайка, лейка, вейка, ветка, сетка.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Титанит.

Содержание

Брат. Отрывки из поэмы Германа Гоппе	41
Маленький Петров и капитан Колодкин. Повесть Александра Крестинского	7
Из иностранного юмора	18
Один. Рассказ П. Васильева	19
Осечка. Повесть И. Турчина	26
Английские народные баллады	37
Десять ориентов в «шестом-а». Рассказ Владимира Арро	40
Главный пост страны. Статья Н. Садового	46
Комячок. Рассказ Леона Гроховского	53
Удивительный воробей. Пролосёнка. Сказки Г. Воскобойникова	55
В память героических лет. Статья В. Щукина	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Самодельный цирк».

На 3-й странице обложки фотоэтюда В. Логинова «Иней».

На 4-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Познакомились».

Редактор

В. Л. БИАНКИ

Редколлегия:

Н. А. ВНУКОВ, И. Л. ДВОРКИН, К. И. КУРБАТОВ,
В. Н. СУСЛОВ (редактор-составитель).

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 3/ХП 1970 г. Подписано к печати 6/1 1971 г. . . . 4 п. л.
М-34904. Зак. № 1870. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

